

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

(Работа написана на основе тезисов доклада, сделанного 25 апреля 1998 года в клубе «Ультрафиолет» при комитете геополитики ГД РФ)

Сейчас в России о геополитике не говорят только ленивые. Однако почти все рассуждения крутятся вокруг некой геополитики вообще, и часто создаётся странное впечатление. Либо рассуждающие, вроде Петрушки из «Мёртвых душ», просто ухватились за возможность произносить модное и красиво звучащее слово, не понимая и не задаваясь желанием понять, что оно, собственно означает. Либо это настолько новое направление политической мысли, что в нём ещё не появились концепции, теории, идеи. Такое положение вещей прямо связано с текущим господством в стране сторонников идеологического либерализма, которые отрицают государства или ставят интересы индивидуума над интересами государства, и потому чужды геополитике как таковой, но стараются не чураться модных западных слов, особенно, когда речь идёт о словах, запретных в советские времена. Возможно, либералы и вовсе не касались бы этой темы, но их вынуждают обращаться к разговорам о геополитике представители среднего звена чиновно-полицейских учреждений нынешней власти, которые не отрицают и не могут отрицать государства, создавшего традицию таких учреждений, и у которых по этой причине нарождаются взгляды прагматического патриотизма. Однако циничный и невнятный либеральный патриотизм, под влиянием чиновных патриотов набирающий влияние в чиновно-полицейских учреждениях власти, сосредотачивается на поисках заумной, по большей части бессодержательной демагогии о государственной политике. Часто он лишь используется для оправдания права среднего звена представителей чиновно-полицейских учреждений на расширение своей доли власти и собственности внутри либерального режима диктатуры коммерческого интереса. Патологическая неспособность представителей чиновных и силовых учреждений власти и их пишущей обслуги разработать некую либерально-патриотическую «национальную идею», о необходимости которой они шумят столько лет, объясняет и их неспособность внести собственное, сколько-нибудь осмысленное понятийное содержание в слово геополитика.

Те немногие в России, кто всё же могут излагать геополитические концепции, находятся вне официозных учреждений действующей либеральной власти. Но они обсуждают концепции, как подобострастные ученики Запада, ограничиваясь лишь тем, что было разработано в Англии, в Германии и в США. Наиболее деятельными пропагандистами среди них оказываются патриоты евразийцы, – сторонники возрождения Российской империи в том или ином евразийском виде. А особенный восторг у евразийцев вызывает концепция англичанина Маккиндера, в которой первостепенное значение имеет хартленд: срединная территория Евразии или недавняя составная часть царской и Советской империй. Точнее сказать, евразийцы сосредотачиваются только на поверхностном обсуждении концепции Маккиндера, рассматривая её, как догму, как единственный стоящий источник геополитической премудрости, и представляют дело так, де, она обосновывает для всего мира изначальные, мистические права России на евразийское господство. На основе концепции Маккиндера евразийцы требуют, чтобы государственная власть России удерживала влияние в Средней Азии любой ценой, как бы дорого, каких бы жертв это не стоило русским. Евразийцы являются традиционными народными почвенниками, и их не интересует ни современная промышленная экономика, ни вопросы уровня жизни русского государствообразующего этноса, ни обусловленность государственной политики историческим развитием русских общественных и социально-производственных отношений. Они являются схоластами, не задумывающимися о практических проблемах и противоречиях, и откровенно не желающими об этом задумываться.

Чем все без исключения новоявленные российские геополитики объединены, так это неспособностью взглянуть на великодержавное могущество, которого достигла Российская империя, как на следствие самостоятельного геополитического проекта русского государства, в основании которого лежит выдающаяся, самостоятельная геополитическая концепция. Слепота в данном вопросе всех, кто рассуждает о геополитике, включая всевозможных народных патриотов, представляется уникальным, из ряда вон выходящим явлением. Ибо Петр Великий завершил создание чрезвычайно централизованной русской государственной власти и задал ей очень жёсткое и чёткое стратегическое целеполагание на сотни лет развития, – в чём согласны все серьёзные историки. Такое целеполагание невозможно и немыслимо без концептуального видения сверхзадач государственной политики, прямо обусловленного сложным и опасным географическим положением страны. Только концептуальное видение сверхзадач государственной политики передаётся от поколения к поколению внутри кругов, осуществляющих государственную власть, объединяет их для деятельного и преемственного управления страной. А именно такая особенность, такая преемственность целей и задач управления и наблюдалась в Российской империи со времени Петра Великого.

Чтобы в полной мере оценить значение Петра Великого, как геополитического концептуалиста, и суть его концепции, сначала разберёмся с основными геополитическими концепциями Запада, выясним причины их появления.

1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДА

Геополитика это область исследований, которая ищет взаимосвязи и взаимообусловленности государственной политики и географического положения страны. Такое определение её познавательному содержанию дал немецкий мыслитель Ратцель.

Геополитика изначально предполагает, что в каждой стране государственная политика наиболее действенна тогда, когда она в полной мере учитывает особенности географического положения государства. А различия в географическом положении государств вынуждают каждое из них разрабатывать собственные представления о самой действенной государственной политике. Подавляющее большинство государств озабочены текущими и часто меняющимися отношениями с соседними государствами или некоторыми регионами, их государственная политика зависит главным образом от ситуационных союзов, от отношений с сильными державами, от текущих дипломатических решений, которые не позволяют взглянуть на собственную государственную политику, как на стратегическую концептуальную политику. Воззрения на геополитику в них ограничиваются задачами поиска наилучшего использования своего географического положения для достижения самых выгодных союзов, ситуационных успехов. Поднять представления о взаимосвязи и взаимообусловленности государственной политики и географического положения государства до уровня стратегических геополитических концепций удалось лишь в нескольких державах. Именно в тех, в которых унаследованы и сложились традиции великодержавного отношения ко всему миру, ко всему человечеству, традиции напряженного поиска способов и средств наивысшего усиления государственной политики для осуществления долгосрочных мировых целей.

На Западе целостные геополитические концепции были разработаны только в Англии, в США и в Германии.

А) английская геополитическая концепция Маккиндера

Островная Англия создала огромную меркантильную капиталистическую империю до того, как у её правящих кругов возникла нужда в концептуализации государственной политики. Потребность в опоре на концепцию внешней политики появилась лишь после Крымской войны, войны союза Британии, Франции и Турции против России, а вызвала такую потребность проблема кризиса прежних способов взаимоотношений британской государственной власти с собственным населением, обусловленная становлением английского национального общественного сознания. Во время Крымской войны середины 19 века, под влиянием средств массовой информации Британии, которые освещали военные действия непосредственно с места событий, впервые проявилась необходимость считаться с самостоятельным мнением средних имущественных слоёв англичан о проводимой правительством внешней политике. А после Крымской войны без учёта английского *национального* общественного мнения, без опоры на него, британскому правящему классу уже нельзя было проводить целенаправленную мировую политику, удерживать многочисленные колонии и управлять ими. Для придания британской государственной политике долгосрочной устойчивости в обстоятельствах, когда стало очевидным значение общественного мнения и палаты представителей, их возрастающее влияние на принятие правительством внешнеполитических решений, понадобилась воздействующая на умы, объединяющая слои образованных англичан концептуализация стратегии во внешней политике. Такую концептуализацию стратегии государственной политики и разработал Маккиндер. Концепция Маккиндера призвана была защитить британскую мировую империю на вершине её могущества, и это отразилось в её содержании, в её ключевых положениях, в особом выделении географического положения не самой Англии, а середины Евразии, хартленда, в придании хартленду ключевого значения в мировой стратегической политике.

Достижение Англией мирового могущества было напрямую связано с длящейся века коммерческой капиталистической эксплуатацией Индии. За счёт этой эксплуатации происходило первичное накопление английского капитала, как очень крупного спекулятивно-коммерческого капитала с мировыми интересами, шло создание самого сильного в мире военного и торгового морского флота, завоевание колоний в разных частях света. Из вопроса первостепенной для Англии важности, как защитить торговые и военные морские пути в Индию, основные её колониальные завоевания совершались вдоль данных путей, в Африке, в южной Азии и Австралии, и эти завоевания оказались столь обширными, что превратили Британию в 18 веке в самую большую колониальную империю мировой истории. Хотя Британия стала крупнейшей глобальной империей, однако все основополагающие интересы её господствующих кругов сосредотачивались на Индии и крутились вокруг Индии. Индия являлась одновременно и главным сокровищем Англии, и её ахиллесовой пятой. Без Индии английское европейское и мировое могущество были бы невозможными, так как были бы невозможными огромные спекулятивно-коммерческие сверхприбыли, на которых держалось такое могущество. Это прекрасно понимали в правящих кругах самой Англии и все её противники. Поэтому в течение столетий у английского господствующего класса главной целью внешней политики было стремление любой ценой удержать индийские владения, защитить их от наиболее опасных врагов. А у врагов Британии главной задачей было изгнать англичан из Индии.

Если со стороны морей и океанов подступы к Индии были перекрыты мощным британским военным флотом, то сухопутные подходы оказывались открытыми. Уязвимость индийских владений Британии в случае использования её врагами сухопутных направлений перемещения войск и вооружений ясно показал после Великой французской революции генерал Бонапарт. Военная экспедиция Бонапарта в Египет предполагала создание базы для дальнейшего похода в Индию по пути Александра Македонского. Британии удалось уничтожить французский военный флот, который поддерживал данную экспедицию, и оказать Османской империи действенную помощь, чтобы остановить Бонапарта в Сирии. Но успех Британии объяснялся в первую очередь слабостью режима Директории, который тогда

установился во Франции, режима либеральной диктатуры коммерческих интересов, и обусловленным данным обстоятельством отсутствием у Бонапарта средств и сил, необходимых для осуществления задуманного им предприятия. Когда же генерал Бонапарт стал первым консулом, сосредоточил в своих руках все рычаги власти во Франции, разгромил союз противников и перешёл в дипломатическое наступление, положение дел в корне изменилось. Бонапарту удалось сблизиться с русским императором Павлом III, увлечь его планом совместного военного похода в Индию через Среднюю Азию. И правящие круги Британии вдруг с ужасом увидели, что Средняя Азия им совершенно неподконтрольна. Чтобы остановить Бонапарта, им пришлось пойти на позорный и гнусный заговор: содействовать убийству русского императора. Именно с этого времени в Британии стали рассматривать Среднюю Азию, как самый опасный географический плацдарм, позволяющий врагам изгнать англичан из Индии. В этом смысле и поэтому Маккиндер придал хартленду ключевое геополитическое значение.

Из-за сосредоточенности основных интересов английских правящих кругов на Индии в Британии не возникало глобального мировосприятия, глобальной государственной политики. Это нашло отражение в концепции Маккиндера. Концепция Маккиндера не глобальная геополитическая концепция, она не нацелена на достижение глобального господства. Она сосредотачивается на мысли: *кто контролирует хартленд, тот в конечном итоге контролирует Индию и становится главной Евразийской и мировой державой*. Главной державой, но не единственной Сверхдержавой! Сердцевиной его концепции является именно Индия, и он показывал английскому обществу, что без достижения военно-стратегического господства в хартленде, в Средней Азии, Британия рискует потерять Индию и сразу же перестать быть мировой державой. Дальнейший ход мировой истории доказал его правоту. Завоевание царской Россией Средней Азии в конечном итоге привело к поддержке уже советской Россией подъёма освободительного движения в Индии и изгнанию англичан из всех индийских владений, после чего многовековая Британская империя развалилась, как картонный домик.

Б) американская геополитическая концепция Мэхэна

Первая геополитическая концепция, нацеленная на достижение одним государством глобального господства, была разработана в начале XX века в США.

После Гражданской войны 1861-1864 годов Соединённые Штаты Северной Америки на три десятилетия сосредоточились на внутренней перестройке всех сторон государственных и общественных, экономических отношений ради преобразования их в национальные и индустриальные капиталистические отношения. В это время в стране происходило направляемое республиканской националистической партией англосаксов становление национального среднего класса, как господствующего политического класса, заинтересованного в развитии институтов национальной демократии. Экономическим средством обеспечения условий быстрому увеличению численности средних имущественных слоёв англосаксонских горожан, из которых выстраивался национальный средний класс, и укреплению их политической диктатуры стало быстрое развитие капиталистической индустриализации северо-восточных штатов Новой Англии. Успешная индустриализация в данных штатах позволила неуклонно расширять и углублять освоение огромных и слабозаселённых территорий остальной страны, создавать единый взаимозависимый рынок товарно-денежного обмена, привлекать европейские инвестиционные капиталы в самые прибыльные отрасли хозяйствования. По мере роста капиталистического производства возрастал вывоз товарных изделий на мировые рынки, что вызвало потребность в проведении защищающей национальную экономику внешней государственной политики, как национальной внешней политики. Но разрабатывать цели

внешней политики правящим кругам США пришлось в особо сложных обстоятельствах, которые определили направление поиска средств их достижения.

Весь мир к концу 19 века был поделён несколькими европейскими державами на сферы влияния. Для продвижения и отстаивания своих интересов в таком мире США уже нельзя было обойтись одной тактической дипломатией. Правящим кругам США пришлось искать *стратегию* достижения внешних целей с учётом глобального соперничества мировых держав, когда только военный передел мира обеспечивал надёжный и устойчивый выход на новые рынки сбыта товаров и приложения капиталов. Поскольку без дорогостоящего наращивания вооружённых сил рассчитывать на успешную внешнюю политику в таких условиях было невозможно. Постольку перед правящими кругами США встал вопрос о том, как с наименьшими затратами и с наибольшей отдачей осуществить долгосрочные капиталовложения в военное строительство. Иначе говоря, им понадобилась самая действенная стратегия внешней государственной политики, наилучшим образом учитывающая географическое положение этой страны.

Евразию, Африку и Австралию от США отделяли огромные океаны. Без создания мощных военно-морских сил молодая капиталистическая держава не могла выстраивать собственную мировую государственную политику, защищающую её жизненные экономические интересы. Отталкиваясь именно от таких представлений, американский адмирал Мэхэн разработал геополитическую концепцию, которая обосновывала первостепенное значение военно-морских сил для успешного достижения стратегических целей Соединённых Штатов во внешней политике. Им постулировалось существование извечного антагонизма между морскими и сухопутными державами и подчеркивалось, что лишь глобальный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и портами может обеспечить долговременное геополитическое превосходство государства в мире двадцатого столетия. В его концепции глобальное морское могущество позволяло наращивать контроль и надзор над побережьями континентов, углублять и расширять этот контроль и надзор от побережий вглубь сухопутных территорий, тем самым «анакондой» постепенно сдавливать, экономически и политически удушать сухопутные державы, чтобы подчинять их государственной политике глобальной морской державы. Таким образом, им концептуально преодолевалось и отрицалось положение Маккиндера о ключевом значении хартленда. Ключевое значение в концепции Мэхэна приобретал мировой океан, – за военное господство в мировом океане надо было вести долгосрочную, стратегическую борьбу всеми средствами и способами. А поскольку из всех держав только у США был такой удачный выход во все океаны, постольку, согласно Мэхэну, Соединённые Штаты имели преимущество над всеми своими мировыми соперниками, которое во внутренней и внешней пропаганде можно было рассматривать, как провидение, «божий промысел», изначально толкающий США к глобальному морскому и общему господству. Так Мэхэн связал государственную политику с географическим положением США, и именно его концепция была принята за основу государственной стратегии данной страны. Следование данной стратегии и превратило США в 20-ом веке в глобальную сверхдержаву, единственными достойными соперниками которой оказались только Советская Россия и на короткое время нацистская Германия.

В) немецкие геополитические концепции Ратцеля и Хаусхофера

Нацистская Германия смогла десятилетие бороться за мировое господство благодаря тому, что её государственная политика опиралась на концептуальные геополитические основания, разработанные прусскими мыслителями Ратцелем и Хаусхофером. А причины и главные положения концептуальных воззрений Ратцеля и Хаусхофера вытекали из германской истории, какой она была в Средние века, и из тех проблем, с которыми объединившая Германию Пруссия столкнулась во второй половине девятнадцатого столетия.

В Средние века Священная Римская империя немцев была самым могущественным государством католического мира, одухотворённым мессианским отношением к этому миру. Но после эпохи протестантской Реформации и религиозных войн Германия три столетия была расколота на полторы сотни враждующих небольших государств, из которых лишь Австрия удачными династическими союзами приобрела определённое влияние на европейские дела и создала собственную империю. Поэтому все европейские державы середины 19 века из опасений коренных и невыгодных им изменений расстановки сил в Западной Европе стремились всячески мешать быстро усиливающейся Пруссии, не дать ей осуществить заявленную цель: возглавить преодоление внутреннего раскола немцев, восстановить германское единство. Больше всех опасалась растущей мощи Пруссии Франция Наполеона Третьего. Увлекаемый прежними успехами своей авантюрной политики Наполеон Третий решился в одиночку воспрепятствовать намерению Бисмарка добиться прусской гегемонии во всей Германии. Но стремительно разгромив Францию в войне 1871 года, канцлер Пруссии Бисмарк вызвал в ней затяжной политический кризис, благодаря которому никакие другие державы уже не посмели вмешиваться в проводимую им германскую объединительную политику. Руководимая канцлером Бисмарком Пруссия политической волей и военной силой быстро объединила множество германских государств в Прусскую империю Гогенцоллеров, после чего Германия опять ворвалась в мировую политику, как её субъект с собственными интересами. Новой державе европейского континента понадобилась государственная политика, способная долгосрочно защищать её цели по экономическому и политическому объединению немцев разных земель и разных верований в единый немецкий народ. Поскольку главные противники Прусской империи были среди элит потерявших государственную самостоятельность германских земель, постольку Пруссии понадобилась концепция государственной политики, своим идеологическим зарядом преодолевающая религиозное противостояние протестантов и католиков, воздействующая на умы земельных элит для вовлечения их в целеполагание создания единой германской элиты. Такую идеологизированную концепцию и предложил Ратцель.

В концепции Ратцеля первостепенное историческое значение придавалось народам, обладающим "особым чувством пространства" и, следовательно, стремящимся к волевому расширению собственных границ. Расширение границ каждым из бывшего множества германских государств как раз и предполагало объединение их в едином германском пространстве. Данная концепция Ратцеля была понятна и приемлема земляческому элитам, ибо она отталкивалась от славного мессианизма германцев во времена Священной Римской империи, мессианизма, который создал Западную Европу, как особое цивилизационное пространство.

Быстрое наращивание Прусской империей индустриального, военного и политического могущества способствовало возникновению идей о возможности превращения Германии в самую мощную державу Европы, способную противостоять англосаксонским Британии, США и русской России. Под воздействием таких идей Хаусхофер в начале 20-го века развил концептуальные положения Ратцеля до целостной геополитической концепции, нацеленной на достижение Германией значения уже не только европейской, но и мировой державы. В условиях, когда мир был поделён между другими европейскими державами, Германией, как и США, потребовалось обоснование долгосрочного наращивания военной мощи для передела мира в свою пользу. Хаусхофер и дал своей стране это обоснование, введя представление о необходимом для немецкой нации жизненном пространстве. Он признавал, что у Германии удачное географическое положение для господства в континентальной западной Европе, но неудачное для достижения самостоятельного мирового влияния. А главным препятствием к превращению Германии в мировую державу он считал глобальное морское могущество, которого добилась англосаксонская цивилизация. Единственным путём преодоления данного препятствия было сближение с Россией, союзная договорённость с нею о разделе Евразии ради общего противоборства с американским концептуальным стремлением подчинить весь

мир посредством глобального морского доминирования. Культурное же и техническое превосходство Германии должны были превратить её в ведущего партнёра стратегического геополитического союза двух держав. Почва для стратегического сближения Германии и России была, по мнению Хаусхофера, создана тем, что обе державы являлись сухопутными, а господствующие круги в них сознавали, что это серьёзный геополитический недостаток, и мучились поисками способов выхода к южным морям и океанам через расширение своих сфер влияния на юге Евразии.

Слабость геополитической концепции Хаусхофера проявилась вскоре после Первой Мировой войны, когда в Советской России зародилось видение совершенно новых стратегических пространств. Создавший Советскую Россию В.Ленин пришёл к выводам, что разработанное им коммунистическое мировоззрение является самостоятельным стратегическим пространством, а ход мировой войны показал ему, что применение самолётов для решения боевых задач привело к возникновению воздушного стратегического пространства. Захват этих пространств, по выводам Ленина и большевиков, которые пришли к власти вследствие Великой социалистической революции, позволял ставить целеполагание самостоятельного выстраивания глобальной советской коммунистической империи. Но зародившиеся в России видение новых стратегических пространств и выводы о возможности через них самостоятельно бороться с англо-американским геополитическим доминированием подвигли национал-социалистов во главе с Гитлером и часть правящих кругов в германской военной промышленности, в армии встать на собственный путь достижения глобального господства, исключая ряд ключевых положений концепции Хаусхофера. Путь этот не только не зависел от союза с Советской Россией, но и вёл к неизбежному беспощадному столкновению с ней, как с главной соперницей в борьбе за мировоззренческое и военно-воздушное пространства. Встать на этот путь для Германии было легко, ибо в ней начали культивировать историческое прошлое и всячески подчёркивать величие средневековой Германии. А величие той Германии достигалось, в том числе, воодушевляющим на колонизацию Восточной Европы кличем «Дранг нах Остен», которому нацисты придали значение концептуального положения, соответствующего требованиям Хаусхофера расширить жизненное пространство германской нации.

Нацистская идеология, в отличие от ленинской идеологии большевиков, не имела собственной философской теории познания. И её явное, метафизическое притягивание за уши до уровня мировоззрения вело к иррациональной мистификации национал-социалистического учения, к мистификации видения мировых противоречий и способов их преодоления в интересах Германии. Вместе с недостаточным теоретическим пониманием сущности и целей немецкой Национальной революции, ради осуществления которой национал-социалисты и оказались у власти, это стало основной причиной сокрушительного провала нацистской государственной политики в деле борьбы за глобальное мировоззренческое пространство. Следствием данного провала явилось закономерное сокрушительное поражение Германии во Второй Мировой войне, когда Германия была вычеркнута из короткого списка претендентов на глобальное геополитическое доминирование.

2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИИ

Государство Московская Русь появилось вследствие осуществления стратегического политического проекта Александра Невского. В основе этого проекта была мысль о необходимости революционного отказа от устройства государственных отношений, которое было в Новгородско-Киевской Руси, и долгосрочном выстраивании новых русских

государственных отношений, используя татаро-монгольское иго и православную церковь для преодоления губящей Русь удельной княжеской раздробленности. По замыслу Александра Невского, в той части Руси, которая оказалась под властью татаро-монгольских ханов, надо было с помощью сословия православных церковных священников вырывать роды русских бояр из традиций местных родоплеменных отношений, главной питательной среды для удельной княжеской раздробленности. Бояр же, лишённых непосредственной связи с местными традициями родоплеменных отношений, предполагалось объединять в господствующий слой, служащий только одному великому князю и идее единого русского государства. Иначе говоря, сначала следовало убедить татаро-монгольских ханов Золотой Орды, что им выгоднее передать сбор тяжёлой, грабительской дани в русских землях одному Великому князю. А затем, у родов русских бояр в течение жизни нескольких поколений с помощью христианского социального мировоззрения заменять традиции местных родоплеменных отношений земледельческими социальными связями и отношениями, которые превращали бы роды бояр в социальный слой, в господствующий класс землевладельцев при единственном Великом князе. Успех этого политического проекта был доказан через два столетия при Великом князе Московском Иване III. При нём объединённая родовитым боярством Москвы Восточная Русь окончательно сбросила власть татаро-монгольских ханов, и Московская Русь предстала не только крупным, единым государством Восточной Европы, но и объявила себя наследницей и правопреемницей Византийской сословной православной империи.

Но чтобы стать действительной наследницей Византийской империи, Москве мало было опоры великокняжеской власти на родовитое боярство. В управляющий страной слой из московских бояр следовало вовлекать широкие слои служилых дворян, у которых должны были складываться преодолевающие родовые отношения сословные социальные связи, более сложные и более развитые, чем у управляющих кругов всех окружающих соседних народов, народностей и племён. Лишь такие сословные социальные связи и отношения позволили бы русскому боярству и дворянству выстраивать субконтинентальный центр имперской власти и имперского управления. Соответствующие связи и отношения среди служилых слоёв московских бояр и дворян зарождались постепенно, по мере укоренения новых представлений о Москве, как о Третьем Риме. Окончательный же поворот к их возникновению произошёл во время Великой Смуты конца 16 и начала 17 веков.

Великую Смуту подготовили события в правление московского царя Ивана Грозного. Разгромив и сокрушив Казанское и Астраханское татарские ханства, Иван Грозный по существу дела уничтожил восточные и юго-восточные границы Московской Руси. А последнее подобие ханства на востоке Московской Руси, в Западной Сибири, вскоре смёл изумительно дерзкий поход Ермака со своим отрядом за Каменный Пояс. Вооружённые кремневыми ружьями и малыми пушками пять сотен казаков под предводительством Ермака «огненным боем», без особого напряжения сил одолели и разогнали вооружённые луками орды западносибирских ханов, свергли этих ханов, после чего преподнесли безграничные Сибирские земли в дар Московскому царю. Дар Ермака Ивану Грозному вкупе с тяжёлыми войнами, которые царь вёл в Прибалтике, надорвал созданную в соответствии с замыслом Александра Невского боярскую государственную власть. Такая государственная власть за предыдущие столетия смогла преодолеть удельную раздробленность, насилием и высокой организованностью управляющего слоя чиновного московского боярства подчинить Великие княжества Восточной Руси и Новгородскую республику, заставить великих и удельных князей признать власть московского Великого князя, стать при нём частью боярства. Но она не имела поддержки среди местного русского населения, местного русского дворянства и вынуждена была подавлять их традиционную память о земляческом родоплеменном сепаратизме, о собственной княжеской или республиканской власти. После похода Ермака боярская государственная власть Москвы не нашла средств решать одновременно столько сложных задач: и удерживать под надзором немосковские русские земли, и вести изнурительную войну, и налаживать управление безграничными просторами Восточной

Европы и Сибири. Иван Грозный ещё с начала своего правления искал опоры в московском и немосковском дворянстве, за счёт него пытался расширить управленческий слой и поддержку государственной власти. Он вовлекал в учреждения государственного управления московское и местное дворянство, уравнивал дворянство с боярством, и, опираясь именно на дворянство, переходил к выстраиванию на Руси византийской цезарианской власти, как власти самодержавной и имперской. Но его коренные реформы власти, призванные многократно её усилить и подготовить к строительству империи, натолкнулись на яростное противодействие сплочённых, сохраняющих родовые связи бояр и князей, которые боялись лишиться своих исключительных прав и привилегий. Кровавый внутренний разлад поддержанного московскими дворянами царя с родовитыми боярами, потом смерть Ивана Грозного и гибель всех его сыновей, на которых прервалась династия Рюриковичей на московском троне, обрушили страну в Великую Смуту, едва не погубившую само Московское государство.

Московское государство спасла русская социальная народная революция, которая совершалась на основаниях земледельческого православного мировоззрения и христианского идеала народных сословно-общественных отношений. Она коренным образом углубила социальное сознание русского населения всех земель, вырвала его из господства традиций местных родоплеменных общественных отношений. Появление великорусских народных социальных сословий началось сразу после Собора полномочных представителей всех земель Восточной Руси и избрания на нём царя Михаила из династии бояр Романовых, - Собора, который был созван и заседал в Москве в 1613 году. С этого времени происходило рождение военно-управленческого сословия русского дворянства, и служилое, объединённое сословным самосознанием дворянство превращалось в главную опору царской государственной власти в столице и на местах. Именно благодаря росту народного сословного самосознания русского дворянства удалось налаживать централизованное управление огромными и слабо заселёнными пространствами Северо-восточной Евразии, подчинять казацкие вольные республики окраин московской царской власти. Однако управление это основывалось на земледельческих интересах служилого дворянства и на социальных отношениях земледельческого народа, сохраняющих в крестьянских общинах определённые традиции родоплеменных местнических отношений, определённую местную языческую культуру, диалектальный говор, местническое умозрение, и оно мешало самостоятельному развитию городского ремесленного производства.

Русское народное общество окончательно сложилось в середине 17 века, во время правления царя Алексея Михайловича, что явилось важной предпосылкой для перехода царской государственной власти к деятельной и наступательной внешней политике. При царе Алексее возникла русская народно-земледельческая культура, как православная христианская культура, отражающая представления об идеале ветхозаветных народных земледельческих отношений в древнем Израиле, и это обстоятельство окончательно узаконило и укрепило самодержавную власть московского царя во всех слоях русского населения.

В библейском идеале посредством касты иудейских священников и хранимых ею моральных заповедей Моисея, содержащих строгие представления об этике каждого члена народного общества, достигалось полное единение еврейской царской власти и земледельческих общин евреев в едином бытии и народном этническом самосознании. Общины должны были платить узаконенную самой библией подать царю и иудейскому священству, - а именно по десятой доле урожая, - и выполнять некие общественные работы. Царь и его управленческая власть обязывались доказывать свою патерналистскую ответственность за еврейский народ. А каста священников иудаизма наделялась божественным правом выступать посредником между царской властью и земледельческими податными общинами, подчинять и тех и других своим пониманием долгосрочных исторических целей существования еврейского народа. Однако в этом библейском идеале никак не были представлены городские ремесленники, не указывались их права и

обязанности. Поэтому городские ремесленники оказывались вне библейского народного общества, что позволяло произвольно трактовать отношение к ним, облагать их произвольными требованиями и поборами.

Именно такой ветхозаветный идеал чисто земледельческого народного общества и воплощался в Московской Руси 17 века. Предпосылкой для становления в полной мере библейского, в полной мере земледельческого русского народного общества было то обнищание Руси, которое произошло во времена татаро-монгольского ига. До татаро-монгольского нашествия и уничтожения древнего Киева торговый путь «из варяг в греки» обогащал Русь, в ней появлялось много городов, быстро развивались товарно-денежные обмены, ремесленное хозяйствование и вечевое самоуправление горожан. Ремесленники горожане через вечевое самоуправление и денежные налоговые подати оказывали самостоятельное влияние на государственную власть, пример чему подавали жители Новгорода Великого, в котором и зародилась сама Древняя Русь. Но в столетия татаро-монгольского ига грабительская дань, ничем не сдерживаемые набеги степных хищников разрушили почти на всей Руси товарно-денежные отношения, городское ремесленное хозяйствование и вечевое самоуправление. Ремесленное хозяйствование, как самостоятельный вид деятельности, и товарно-денежные отношения сохранялись только в отстоявшем независимость Новгороде Великом, который превратился в Новгородскую республику. В остальных русских землях ремесло поддерживалось единственно в столичных городах Великих князей и постольку, поскольку оно обслуживало заказы великокняжеской власти. Как следствие, лишь в Новгороде Великом осталось вечевое самоуправление и политическое самосознание участников городского хозяйствования, но и оно приходило в упадок, подготавливая завоевание республики Московским великим князем.

В Западной католической Европе, в странах, где ремесленное хозяйствование и городское самоуправление получали наибольшее развитие, в 16 веке началась протестантская Реформация христианского вероучения. Духовные вожди протестантов предложили такие изменения христианского вероучения, какие позволяли бы религиозно узаконить и законодательно кодифицировать права и обязанности участников городского производства, ввести хозяйствующих горожан и работающих на городской рынок крестьян в феодальные государственные и общественные отношения через изменение самого существа понимания ветхозаветного идеала народного общества и государства. Там, где протестантизм одерживал победу, раскрепощались возможности для широкого развития рыночных отношений, стало быстро возрастать городское капиталистическое производство, в том числе военное производство, возникала рациональная городская культура средней и мелкой буржуазии, появлялись условия для развития рыночного арендаторского земледелия, для увеличения и разнообразия товарного потребления. Через представительные собрания при государственной власти, которые приобретали самостоятельное значение в протестантских странах, рационализм буржуазии воздействовал на государственные отношения, на прагматичную образованность и организованность власти, на вовлечение её в интересы получения капиталистической прибыли.

Но в Московской Руси не было условий для протестантских преобразований. Собственные протестантские идеи новгородско-московской ереси не получили распространения за пределами Новгорода Великого и Москвы и не породили самостоятельного богословия. Поэтому после Великой Смуты и народной революции в Московской Руси установилось полное господство ветхозаветного, чисто земледельческого идеала народного общества, и оно сделало невозможным самостоятельное, не зависящее от заказов правительства развитие городского производства. Даже привлечение из ряда протестантских стран на службу к царю всевозможных мастеров, организаторов производства и способных военных не вызывало развития собственного ремесленного и производственного хозяйствования, совершенствования государственных отношений и военного строительства. Показательной в этом была деятельность великого реформатора в царствование Алексея Михайловича Тишайшего, псковского дворянина и воеводы, а затем

руководителя московского правительства и боярина Афанасия Ордин-Нащокина. Ордин-Нащокин первым разработал программу заимствования и укоренения на русской почве достижений протестантских государств. При нём был построен первый русский многомачтовый корабль «Орёл», и он же призывал осваивать кораблестроение, издал первую русскую газету, которая была рукописной, стал создавать казённые заводы, убедил царя повторить попытку Ивана Грозного: направить отобранных детей бояр на учёбу в западноевропейские учебные заведения. Но после его ухода из власти все его преобразования были забыты, созданное им пришло в упадок, оказалось заброшенным, невостребованным до воцарения Петра Первого. Иначе говоря, в Московской Руси не было и не возникало внутренних духовных побуждений к городскому производству и слоёв русского населения, кровно заинтересованных в городском хозяйственном, культурном и политическом развитии.

В последней трети 17 века стало особенно заметным усиление экономической и военной мощи протестантских государств, в том числе соседних с Московской Русью лютеранских стран немецкой Прибалтики и лютеранской Швеции. Швеция, казалось, окончательно утвердилась в отнятых во время Великой Смуты русских землях у выходов к Балтийскому морю и больше не пустит Московскую Русь к самостоятельной торговле с быстро развивающейся Северной и Северо-западной Европой. Больше того, она наращивала военную и экономическую мощь для захвата Новгорода Великого. Спасти Московскую Русь от необратимого упадка и распада могли единственно революционные преобразования, сравнимые с протестантскими преобразованиями в Западной Европе. Такие Преобразования и осуществил *сверху* Пётр Великий.

Царь Пётр Великий оттолкнулся от программы реформ Ордин-Нащокина, однако придал ей всеохватный, мировоззренческий размах. Его увлёк пример не соседних лютеранских государств, где лютеранство на религиозном уровне подчиняло буржуазию феодальным государственным отношениям, а Голландии, страны с самым радикально буржуазным, кальвинистским вероучением, пережившей буржуазную революцию и становление конституционной республиканской монархии. После негласного и рабочего путешествия по Европе молодой царь увидел и окончательно утвердился в убеждении, что в Голландии развитие городского хозяйствования, военного строительства и образа жизни совершается гораздо быстрее и успешнее, чем в лютеранских государствах. И связано это с наивысшим буржуазным рационализмом, с умеренностью и скопидомством, которые кальвинизм объявил признаками божественной избранности, этическими проявлениями высших, близких богу человеческих достоинств. Пётр Великий сделал важный вывод: для победы над соседними лютеранскими государствами, над Швецией необходимо перенимать и приспособлять к условиям Московской Руси достижения голландского кальвинизма, а если потребуется, отказываться от православного религиозного мировоззрения ради предельно рационального буржуазного мировосприятия. Отталкиваясь от такого вывода, он отошёл от культивируемых православной церковью и народными патриотами идеальных представлений о Московской Руси, как о Третьем Риме, о русской православной империи, прямой наследницы Византийской империи, и развил собственное понимание империи, как *рационального имперского пространства*. А для долгосрочного по существу выстраивания рационального имперского пространства потребовалась *основополагающая, долгосрочная и рациональная стратегическая концепция, способная заменить византийский идеал православной империи*.

Концептуальное содержание его видения пути воплощения нового идеала, идеала рационального имперского пространства, постепенно наполнилось стратегией опережающего промышленного и соответствующего ему рационального социально-культурного городского развития, стратегией, которой должна быть подчинена государственная политика. Так Пётр Великий впервые в мировой истории концептуально и на практике связал государственную политику со стратегией промышленного развития и необходимой ему стратегией социально-культурного городского развития. Поскольку

концептуальное видение Петром Великим государственной политики прямо обуславливалось особенностями географического положения Московской Руси, было нацелено на спасение, а затем существенное улучшение этого положения через выстраивание рационального имперского пространства, постольку можно утверждать, что Пётр Великий разработал и принял за практическое воплощение особой, *русской геополитической концепции*. Это была действительно мощная концепция, на поколения вперёд мобилизующая государственную власть осуществлять особый путь ускоренного исторического развития. Ибо она предназначалась для много отставшей от западноевропейских держав страны, страны с земледельческим мировоззрением, в которой не было слоя производственной буржуазии и рынка труда, маломальского опыта городского производственного хозяйствования и рационального образования и воспитания, отсутствовала соответствующая городская культура. Только всеохватная концептуализация государственной политики позволяла надеяться преодолевать такие препятствия и сделать прежде немыслимое. А именно, заставить православную церковь лишиться своего самостоятельного и правящего сословного положения, перейти в полное подчинение к самодержавной царской власти.

После того, как царь Пётр Первый пришёл к своим концептуальным заключениям, перед ним встал острый вопрос, кто и как сможет осуществлять стратегию опережающего промышленного и социально-культурного городского развития. За её осуществление не могла взяться православная церковь, не могло её поддержать православное по мировоззрению русское народно-патриотическое крестьянство или мещанство. Единственным слоем, который в тех условиях способен был осуществлять концептуальные стратегии, оказалось сословие служилого дворянства. По своему положению в общественных отношениях оно обязывалось беспрекословно выполнять определяемые стратегическими целями самодержавной государственной власти задачи тактического управления, которые необходимо было навязывать податному сословию. На среду русского дворянства Пётр Великий и сделал основную ставку, своей волей вынуждая русское дворянство вырываться из православного мировоззрения к городскому рациональному прагматизму. Но даже русскому дворянству на первой ступени революционных Преобразований он не доверял в полной мере свои великие стратегические замыслы, ради защиты которых от народно-патриотической реакции ему пришлось отдать под суд и на казнь своего старшего сына. Чтобы обеспечить необратимость Преобразований и выстраивания рациональной Российской империи, он ввёл закон о престолонаследии, в корне изменяющий традиции Московского государства, и привлёк на государственную службу множество немецких лютеран из завоёванной им и включенной в состав империи восточной Прибалтики. С помощью немецких лютеран он принялся выстраивать государственное хозяйствование на основе широкого использования крепостного крестьянства. Он поставил задачи создания необходимых государственной власти крупных заводов и предприятий и обязывал чиновников закреплять за такими заводами и предприятиями переселяемых крепостных крестьян, чтобы те становились крепостными рабочими, а так же назначать управителей и надзирателей ревизоров, призванных следить за строгим соблюдением царских решений. Он же учреждал учебные и научные, изобретательские заведения, центры исторических исследований, музеи и художественные, архитектурные школы. Подобный подход вынуждал всех государственных служащих ускоренно получать рациональное городское образование, делающее упор на естественнонаучные и инженерные знания. А к этому вначале были готовы главным образом немцы лютеране.

При императрице Анне Иоанновне господство немецких лютеран в государственной власти вынудило молодые поколения русских дворян напряжённо бороться за возвращение именно им главного положения в учреждениях государственного управления. Для этого им волей или неволей пришлось культивировать личность Петра Великого, по его примеру предельно рационализировать своё мировосприятие, на основаниях позаимствованного через

естественнонаучное и техническое образование рационального материализма передовых кругов западных европейцев налаживать в условиях городской жизни социальные связи и социальное взаимодействие, превосходящие социальные связи и социальное взаимодействие немцев лютеран. Глубокая рациональная социологизация сознания и нравов среди новых поколений русского служилого дворянства окончательно вырывала эти поколения из традиций местных земляческих родоплеменных отношений, традиций народного православного мировоззрения, которые сохранялись у общин земледельцев. Православие в дворянской среде превращалось в форму, предназначенную для поддержания связей с податным сословием русского народа, для использования почвеннического и государствообразующего духа русского народа при обслуживании целей и задач империи. Такая рационализация сознания легко восприняла диалектические воззрения Ломоносова, связала их с практическим материализмом.

Под воздействием практического диалектического и материалистического мировосприятия у русского дворянства исчезали диалектальные языковые и культурные особенности, что позволяло им создавать особую дворянскую материалистическую культуру, общую и единообразную на всём пространстве огромной страны, и она превращалась в основу собственно городской русской культуры. Это способствовало тому, что в России складывалась русская дворянская демократия, способная решать задачи целеустремлённого расширения границ Российской империи и выстраивания главного центра имперского управления на обоих континентах огромной Евразии и в северо-западной Америке. Отражением демократического мировосприятия русских дворян была их растущая и беспрецедентная в Европе тяга к древнегреческой и древнеримской культуре, и при Екатерине Второй она выразилась в бурном развитии русского дворянского классицизма. Русский дворянский классицизм проявлялся во всём, в том числе в тех дворянских усадьбах, которые строились в данное время. Благодаря столь глубокому и всеохватному изменению социального сознания, культуры социального поведения и взаимодействия русского дворянства, хозяйственное и политическое развитие России было стремительным. Уже при Екатерине Второй Россия вышла на первое место в мире по основным показателям промышленного и военного производства, что превращало её в самую могучую державу не только Азии и Европы, но и всего мира.

3. ЭПОХА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Промышленная революция, которая началась в Англии в последней трети 18 века, произвела исторический переворот в развитии цивилизации, так как коренным образом изменила производительные силы и производственные отношения. Изобретение парового двигателя и способов его использования в промышленном производстве дало толчок к многократному и непрерывному росту производительности труда и количества изготавливаемых товарных изделий, к увеличению скорости и размаха распространения товаров по всему миру. Паровые двигатели нуждались в угле, и их изобретение и возрастающее применение в разных отраслях трудовой деятельности, на транспортных средствах подстегнуло добычу и удешевление угля, расширение его использования для различных нужд производства и жизни, то есть вызвало и революцию в способах добычи и использования энергии. Это имело огромное значение для северных стран с сезонными холодными зимами и для освоения пространств, прежде малодоступных или недоступных человеку.

Сама же промышленная революция стала прямым следствием предшествующего развития английского капитализма и рынка труда. Приобретение и применение парового двигателя, станков с использованием парового двигателя требовали: значительных денежных

средств и текущих материальных затрат, которые надо было окупать; а от участников производства – определённых технических знаний и умений, чтобы техника работала без перебоев и повреждений. Только капиталистическое хозяйствование давало возможность непрерывного наращивания применения новой техники в городской производственной деятельности. И только рынок городского труда заставлял наёмных рабочих и служащих повышать знания и умения, позволял поощрять высокопроизводительный труд на промышленном производстве ради его прибыльного развития, точно так же, как рыночное земельное арендаторство поощряло высокопроизводительный труд в земледелии.

Историческое значение английской промышленной революции особенно наглядно проявилось после Великой французской революции и наполеоновских войн. За полтора десятилетия ожесточённых войн Британии с консулом, а затем императором французов Наполеоном Бонапартом за господство на всём европейском континенте промышленное производство Британии при самых неблагоприятных внешнеполитических и экономических условиях выросло в 15-20 раз. В это время оно кратно превзошло промышленное производство России и выдвинуло Британию к положению самой могущественной державы мира. Послевоенная Британия разворачивалась к всеохватной технической индустриализации, однако направляла основные усилия и средства на увеличение использования парового двигателя для ускоренного освоения своих колоний, для замены парусного флота на пароходный флот. Поэтому Россия имела возможность усиливать своё влияние в континентальной Европе и Азии, отчасти в Северной Америке. Но после изобретения паровоза, с 30-х годов девятнадцатого столетия Британия стала расширять своё проникновение от портов и побережий вглубь континентов, и её интересы столкнулись с интересами континентальной России.

Историческая победа русских войск над армиями империи Наполеона Бонапарта в Отечественной войне 1812-1814 годов внешне укрепила мировое положение и значение Российской империи, подняла её на вершину мирового политического могущества, как главной державы, отстаивающей устои европейского и мирового феодализма. Однако в течение той войны и после неё в России проявились и стали нарастать признаки глубокого экономического и морального кризиса. Кризис напрямую обуславливался неспособностью крепостнической России перенести английскую промышленную революцию на русскую почву и всё более очевидным отставанием страны в промышленном, в военном развитии. Феодально-бюрократическое чиновное управление промышленным производством и подневольный труд крепостных рабочих, которые основные средства к существованию получали от подворий, делал производство экстенсивным, малопродуктивным, его рентабельность была низкой и зависела от дешевизны сырья и крайне низкой оплаты труда. Крепостные рабочие, как и крепостные крестьяне, были ничем не заинтересованы повышать знания, навыки и умения работы на казённых заводах, усложнять социальное взаимодействие, необходимое для усложнения производственной деятельности.

В то же время служилое дворянство России показывало неспособность отвечать новым задачам государственного управления, из-за чего уже при царе Александре Первом началось свёртывание неудачных либеральных реформ первых лет правления этого царя и наращивание чиновно-полицейского администрирования и регулирования, целью которого было довести до предела всеохватное подчинение хозяйственной деятельности и личной жизни в стране только императорской власти. Олицетворением предельного усиления чиновно-полицейского администрирования стал руководитель правительства, полностью преданный царю граф Аракчеев. Поддерживаемый царём Александром Первым, он неуклонно ущемлял права и интересы дворянства, вёл политику удушения дворянской демократии. Это вызвало острое противоборство императорской власти и дворянства, а с кончиной Александра Первого в декабре 1824 года – восстание дворянства на Сенатской площади. Подавление восстания, казни и ссылки в Сибирь всех, кто был с ним связан, в том числе членов семей высшей русской аристократии, означали окончательное уничтожение русской дворянской демократии, дворянского управления Российской империей. Новый

император Николай Первый, подавив дворянство с помощью чиновно-полицейских мер, сразу мобилизовал чиновно-полицейскую государственную власть на предельное совершенствование крепостнического хозяйствования. Однако результаты не соответствовали затрачиваемым в его правление чрезвычайным усилиям.

Моральный кризис доверия к Преобразованиям Петра Великого, уничтожение самостоятельного значения служилого русского дворянства в деле управления страной вызвали подъём русского православного и народно-патриотического сознания. Получалось так, что самодержавная власть с подавлением дворянской демократии вынуждалась искать опоры в этом подъёме народно-патриотической реакции, всё больше отождествлять себя с царской властью русского народа, какой та была в 17 веке. Однако подъём православного и народно-патриотического сознания только усугубил отставание России в развитии промышленного производства, превратился в непреодолимое препятствие для индустриализации страны.

Поражение России в Крымской войне 1853-1856 годов, первое тяжёлое военное и моральное поражение Российской империи показало всю глубину опасности дальнейшего затягивания необходимых для начала индустриализации всеохватных рыночных реформ. Отсутствие у царской власти сил для серьёзного противодействия откровенным намерениям господствующих кругов Британии, воспользоваться ослаблением главного евразийского противника и отнять Аляску, чтобы присоединить её к канадским владениям британской короны, открывало перед самодержавной властью Российской империи мрачную перспективу постепенной утраты территорий и распада страны.

Объявленное в 1861 году освобождение крестьянства и заводских рабочих от крепостной зависимости, последующие рыночные городские реформы середины 60-х годов 18-го века стали необходимым условием для выхода самодержавной власти России из исторического тупика. Они сняли препятствия для развития в стране капиталистических отношений. Но в первое пореформенное десятилетие страну захлестнула волна страстей, связанных с первоначальным накоплением капитала. Быстрые капиталы делались лишь на спекулятивной торговле, на воровстве и перепродажах товаров и собственности, на всевозможном ростовщичестве. Связанные именно с этими способами обогащения спекулятивно-коммерческие интересы оказались господствующими и в среде разночинцев, и в среде аристократии и дворянства, и в среде чиновничества и полиции. Однако к 70-м годам возможности обогащения за счёт обращения в товар того, что сразу превращалось в рыночный товар, были в основном исчерпаны, и главным способом дальнейшего наращивания капиталов оказалась внешняя торговля, вывоз в Западную Европу всяческого сырья и простейших изделий первичной переработки. Капиталистические интересы и интересы кругов власти в России стали поворачиваться к задачам добычи, производства и вывоза в Западную Европу любого рыночно ценного сырья. Самым дорогим сырьём того времени являлся хлопок, который использовала для производства ситца быстро развивающаяся в Европе высоко прибыльная, фабричная промышленность. И влиятельные круги царской самодержавной власти, чиновников и военных, коммерческих предпринимателей увлекла задача завоевания и подчинения Средней Азии, где климат позволял начать выращивать и собирать хлопок-сырец в необходимых объёмах для внутреннего потребления и на экспорт. Общий моральный подъём в стране, вызванный становлением рынка труда, вовлечением в экономические, хозяйственные, военные интересы многочисленных разночинцев способствовал скорому разрешению данной задачи.

Россия покорила и подчинила Среднюю Азию не потому, что её стратегической целью было достижение мирового могущества через установление контроля над хартлендом. Никакой такой стратегической цели у России никогда не было. Она установила контроль над хартлендом из чисто коммерческих капиталистических интересов, а смогла сделать это вследствие того обстоятельства, что в 18 веке стала великой мировой державой на основании концептуального целеполагания Петра Великого, на основании стратегии опережающего промышленного и социального развития. Этого не понимали, не понимают и

не хотят понимать всевозможные российские евразийцы.

Покорение Средней Азии внесло новые острые противоречия в отношения Российской империи с Великобританией. В Англии расширение влияния России в Средней Азии было воспринято, как непосредственная угроза английскому владычеству в Индии. Англия к тому времени достигла самой вершины мирового индустриального и военного могущества, и самодержавной власти в России пришлось искать меры для преодоления военно-технического и стратегического отставания. Основной проблемой было то, что сами по себе капиталистические отношения не привели в России к ускоренной индустриализации, сравнимой с той, что совершалась в Британии, во Франции, в США, в Прусской империи, в Японии. Мировоззрение русского народа оставалось средневековым земледельческим, чуждым рыночному капитализму и промышленным производственным отношениям. Избыточное крестьянство русской деревни не желало направляться в города, на городской рынок труда. Оно предпочитало либо переезжать в целинные земли, где селиться деревнями и станицами, сохраняя общинные традиции землепользования, либо восставать против помещиков, требовать передачи значительной доли помещичьих земель крестьянским общинам. А слой русских капиталистических предпринимателей складывался в основном из купцов, коммерческих и банковских спекулянтов, которые проявляли интерес к приобретению пригодной для обращения в товар собственности, быстро приносящей прибыль через товарно-обменные сделки. Русских промышленных предпринимателей было мало, и они занимались не передовым индустриальным, высокотехническим и высокопроизводительным развитием, а созданием предприятий лёгкой промышленности, в которой использовался малопроизводительный и малограмотный, дешёвый наёмный труд для производства самых простых потребительских товаров. Самостоятельная индустриальная инженерная, техническая и конструкторская деятельность была невостребованной и не возникала.

Положение вещей оказывалось настолько не соответствующим текущим задачам государственной власти по сохранению и расширению имперского пространства, что молодой царь Александр Третий в середине 80-х годов резко изменил государственную политику.

При Александре Третьем впервые со времени Петра Великого возродились поиски стратегии совершенствования городских производственных, а с ними и социальных отношений. На основаниях таких поисков в стране стал осуществляться поворот к ускоренной индустриализации и становлению русского индустриального социально-политического мировосприятия.

Самодержавие занялось и развитием производства, и обеспечением его необходимой рабочей силой, инженерами и учёными. Для осуществления индустриализации надо было заставить часть русских крестьян перебираться в города, чтобы там возникал избыток наёмного пролетариата, и делать это, не считаясь с мировоззренческими настроениями самого крестьянства. Поэтому в земледелии особую поддержку власти получали помещики и зажиточные крестьяне, которые скупали земельные наделы и расширяли личное производство на основе технических способов землепользования. В целинных же областях изначально поощрялось развитие товарного сельского хозяйства, призванного создать препятствия переселению в них беднейшего и общинного крестьянства. А чтобы повысить культуру земледельческого и городского производства, облегчить безземельным крестьянам принятие решения о переезде в города, создавалась сеть церковно-приходских школ.

Русская индустриализация в правление Александра Третьего началась с восстановления в государственной политике концептуальных подходов Петра Великого. Но планировалась и направлялась она военно-чиновничьей государственной властью, которая сама возникла и сложилась при земледельческом феодализме, а потому искала соответствующие способы налаживания управления экономическим и социальным развитием страны. Упорядочение городских и сельских производственных отношений совершалось ею на основе восстановления русских сословных народно-общественных

отношений, и отмена либеральных норм права сопровождалась принятием сословных норм права, приспособляемых к новым условиям существования России. *Иначе говоря, индустриализация в Российской империи проводилась военно-чиновничьей государственной властью на основе использования русских народно-земледельческих общественно-производственных отношений посредством их неуклонной рационализации. Это имело огромное значение для всей последующей истории страны, так как подготавливало социально-политические условия для Реформации русского православного мировоззрения в соответствии с целями индустриализации государства.* Одновременно шло политическое наступление на представителей коммерческого интереса, которое отчётливо выразилось в реформе избирательных прав от 1892 года, когда из состава городских избирателей исключались купеческие приказчики и мелкие торговцы.

В России не рыночные интересы создавали производственные отношения, социальную культуру индустриального производства, а военно-бюрократическая государственная власть, которая всё основательнее зависела от поддержки русского народа, подстраивалась под его требования к ней.

Убедительные успехи экстенсивной индустриализации обеспечили высокую политическую устойчивость в стране всё время правления Александра Третьего. Происшедший при нём поворот к политике управляемой самодержавием экстенсивной индустриализации и социологизации сознания участников производственных отношений нанёс сокрушительный удар представлениям о России, как об обречённой остаться крестьянской стране, пошатнул доверие к основам идеологии крестьянского народничества. В 80-е годы в России возрастала численность индустриального пролетариата, вызревали его собственные экономические и политические интересы, которые привлекали к нему внимание социальных революционеров.

Не рыночная по существу индустриализация имела успех в России постольку, поскольку государственная власть российской империи являлась главным заказчиком и потребителем изделий тяжёлой индустриальной промышленности. Из задачи быстро создать транспортную сеть для переброски ресурсов по огромной стране, тем самым ослабить значение индустриальной и военной мощи Британии и Японии и укрепить геополитическое положение России правительство несло основные расходы по огромному железнодорожному строительству, которое вносило важнейший вклад в индустриализацию. Правительственными заказами обеспечивалось строительство железнодорожных путей и мостов через многочисленные реки, изготовление паровозов и вагонов. Покрытие этих и других подобных расходов самодержавия осуществлялось преимущественным образом за счёт торговых пошлин и налогов, собираемых с крестьянской массы населения страны. Подавляющее большинство населения само по себе не имело заинтересованности в товарах тяжёлой промышленности; не покупая их непосредственно, оно принуждалось к их приобретению опосредованно, платя налоги и пошлины. Но поскольку налогов и пошлин не хватало для расширения заказов государственной власти на продукцию индустрии, постольку правительство делало внутренние займы и увеличивало печатание денежных знаков. Постоянное несоответствие между доходами и расходами правительства привело к тому, что рубль обесценивался и терял способность отражать действительное положение дел на внутреннем рынке, управлять спросом и предложением. Финансовый кризис обострялся, перерастал в кризис экономический, который замедлял развитие всех отраслей хозяйства, в том числе индустриализацию.

После смерти популярного царя Александра Третьего повсюду стала нарастать критика экономического и финансового положения дел в империи. Она постепенно превращалась в критику самих основ самодержавной царской власти, обвиняемой в том, что та расходовала огромные средства, не считаясь с мнением населения, не согласовывая их с ним посредством представительного собрания, как это было в других европейских державах. Выход из тупика регламентируемой правительством экономической политики при сохранении самодержавного правления, — а последнее было главным требованием большинства

представителей царской власти, – предлагали только либеральные реформаторы. Они призывали опять раскрепостить внешнюю торговлю, перейти на золотое обращение и ввести свободный обмен рубля на золото, чтобы вновь вовлечь страну в переживающий конъюнктурный подъём мировой рынок товарно-обменных сделок и капиталов. Предполагалось, что расширение внешней торговли существенно увеличит доходы казны от торговых пошлин, а свободный обмен рубля на золото обеспечит его устойчивость, привлечёт для покрытия государственных расходов западноевропейский капитал, сделает привлекательными на финансовых рынках Франции и Англии ценные бумаги и долговые обязательства царского правительства. Либералы обещали, что привлечение западноевропейского ссудного капитала Франции и Англии приведёт к ускорению развития передовых капиталистических предприятий, к быстрому экономическому росту, а такой экономический рост позволит позже безболезненно для страны расплатиться за все её внешние заимствования.

Однако проведённые правительством С.Витте либеральные реформы, раскрепостив внешнюю торговлю, одновременно вызвали резкий спад производства в России, и в первую очередь индустриального производства, так как оно было неконкурентоспособным, полностью зависело от правительственных заказов. В стране вновь начался быстрый рост спекулятивно-коммерческих и ростовщических капиталов, вследствие чего появлялись могущественные денежные олигархи, которые оказывали влияние на решения правительства подкупом высокопоставленных чиновников, вовлечением в свои сделки представителей аристократии, финансированием собственных газет и журналов. Среднее и низовое чиновничество и полицейские службы на местах стали получать взятки в основном от торговцев и ростовщиков, так что во всех вопросах становились на их сторону. А поскольку воровство и разбой превратились в способы приобретения первоначального коммерческого капитала, постольку криминальные интересы тоже срастались с интересами чиновников всех уровней власти. Обогащение участников коммерческой деятельности сопровождалось обнищанием подавляющего большинства мелких производителей страны и наёмных работников, чьё поведение определялось христианской этикой и моралью, – среди них увеличивалась безработица, которая выбрасывала безработных из экономических интересов, делала изгоями экономической жизни.

Царская государственная власть показывала неспособность справиться с отрицательными последствиями либеральных реформ для производства и производителей России. Русское народное умозрение, православно-земледельческое и общинное, не могло приспособиться к либеральным рыночным свободам, эксплуатировалось аморальными, чуждыми производственной этике спекулянтами, среди которых было множество инородцев. Самыми многочисленными выразителями настроений раздражения и недовольства были общинные крестьяне и промышленный пролетариат. Они воспринимали и готовы были поддержать те политические лозунги горожан, которые выражали требования изменения существа государственной власти за счёт восстановления народно-представительного законодательного собрания в духе идеала народного государства, – то есть собрания, долженствующего вместе с царём осуществлять надзор за деятельностью правительства и чиновников как представительная власть русского народа.

Поражение самодержавия в русско-японской войне 1904-1905 годов послужило запалом к первой русской революции 20 века. Остановить эту народную по духу революцию оказалось возможным только Царским манифестом, объявляющим создание Государственной Думы, которая наследовала представительному Собору русского народа эпохи семнадцатого столетия. В своё время Пётр Великий исключил из учреждений государственной власти Российской империи, как народно-представительный Собор русского народа, так и независимое церковное патриаршество, видя именно в них главное препятствие для осуществления своей геополитической концепции. И появление Государственной Думы, усиливающееся культивирование православия и допетровской Руси означали победу народно-патриотической реакции, отрицание самих основ Преобразований

Петра Великого и его концептуальной стратегии опережающего промышленного и социального развития. А без такой стратегии Россия оказалась на пути к распаду империи и потере положения великой мировой державы. Иначе говоря, народно-патриотическая реакция увлекла её к геополитической катастрофе.

4. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Со времени подавления дворянского восстания в декабре 1824 года и уничтожения дворянской демократии, в среде дворян, которая унаследовала традиции служилой дворянской демократии, зародились революционные народно-патриотические воззрения и начались поиски сближения с остальным русским народом для привлечения его на свою сторону в непримиримой борьбе с победившим военно-чиновничьим самодержавием. Большинство революционно мыслящих дворян считало, что надо идти в народ, опроститься до уровня его православных и общинно-земледельческих взглядов и интересов и бороться за народно-представительную общественную власть, наподобие такой, какой она была в семнадцатом столетии. Оно испытывало вину за свою особую западническую дворянскую культуру, что впервые отразилось в творчестве Грибоедова и получило широкое развитие в девятнадцатом столетии. Духовными выразителями настроений данной части дворянства были, как оторвавшиеся от земледелия и сближающиеся с разночинцами интеллигенты народники, так и помещик Лев Толстой. Народники искали пути насильственного разрушения военно-чиновничьих государственных отношений с помощью просвещения крестьян, а потому стремились возродить в себе русскую народную культуру, но уже в виде просвещённой и просветительской культуры. А Лев Толстой своим примером доказывал для всего слоя русских помещиков необходимость поисков личного этического, нравственного и хозяйственного взаимопонимания с общинным русским крестьянством на основе евангелического идеала самоотверженной любви, сочувственного сострадания и всепрощения. Однако были и такие дворяне, кто придерживались убеждений, что наоборот, необходимо русский народ вырвать из его земледельческого мировоззрения, поднять его до уровня передовой, испытывавшей влияние достижений Западной Европы городской дворянской культуры, до дворянского материалистического мировосприятия. Дворянин Г.Плеханов выражал как раз такие убеждения, из-за чего он решительно разорвал связь с движением народников, в котором начинал свою пропагандистскую и политическую деятельность. Под воздействием учения К.Маркса Плеханов, а затем В. Ульянов-Ленин и их сторонники увидели именно в индустриальном пролетариате тот социальный слой посредников между собой и крестьянством, который поможет им воплотить их убеждения в действительность.

Пролетариат являлся первым поколением крестьян на городском рынке труда. Он носил в себе народно-патриотическое общинное мировоззрение крестьянства и одновременно был вынужден рационализировать свои отношения с городской средой существования, в которой ему приходилось бороться за экономическое выживание. Для выживания в городе, для того, чтобы стать востребованным на городском рынке труда и работать на индустриальном производстве, бывшему крестьянину необходимо было углублять социальные связи с другими участниками индустриальных производственных отношений, получать технические знания и умения, - чему препятствовали традиции земледельческого православного сознания. У русского пролетариата, то есть у вытесняемого на рынок труда крестьянства поневоле возникала насущная потребность в том, чтобы православное мировоззрение было изменено рациональной реформацией. Им хотелось сохранить привычную для них христианскую этику и мораль, которой жили их родители и деды, но приспособить её к условиям трудовых отношений на индустриальном производстве. Это и сближало русский пролетариат с тем русским служилым дворянством,

которое управляло промышленным развитием страны, с дворянским опытом перехода от христианского землевладельческого сознания к городскому диалектическому материалистическому мировосприятию и городской, позаимствованной в Западной Европе и творчески переработанной культуре.

Благодаря марксизму и *философии* диалектического материализма Энгельса, которую Г.Плеханов и В.Ленин доработали до *теории познания мира*, Ленин смог преобразовать материалистическое и диалектическое мировосприятие русского дворянства в пролетарское коммунистическое мировоззрение, которое позволяло осуществить городскую Реформацию православного мировоззрения русского народа. Сам Ленин, как и Пётр Великий, имел склонность к выражающим интересы участников городского производства кальвинистским этическим принципам изначального предопределения судьбы человека его происхождением, городского мирского аскетизма и мирского призвания. А многолетняя жизнь в Швейцарии, в Женеве, в центре духовного кальвинизма укоренила данные принципы и в его сознании и в его поведении, как в своё время их укоренило в сознании и поведении Петра Великого проживание молодого царя в Голландии. Это сближало Ленина с Петром Великим в понимании целей и задач обусловленной географическим положением России русской государственной политики и способов их достижения и решения. Реформация православного мировоззрения, которую Ленин готовил в виде отражающей интересы участников индустриального производства, только и позволяла вновь возродить концепцию опережающего промышленного и социального развития Петра Великого, повернуть Россию к ускоренной индустриализации и обновлённой имперской политике, политике выстраивания рационального имперского пространства.

Большевистская коммунистическая Реформация, которую Ленин подготовил и начал осуществлять, не только спасла Российскую империю от распада, но и дала ей новое историческое дыхание совершенно новым, глобальным целеполаганием. Пётр Первый в силу тех задач и противоречий, с которыми сталкивалась Московская Русь конца 17 века, поставил перед русским дворянством предельно великую для того времени цель созидания рациональной евразийской субконтинентальной империи. В его время нельзя было даже представить о возможности выстраивания глобального имперского пространства. А Ленин отталкивался не только от достижений служилого русского дворянства в военно-дипломатическом опыте создания Российской империи и управления ею в самых сложных обстоятельствах, но и от становления глобального рынка капиталистического товарно-денежного обмена, которое происходило во второй половине 19 века. Уже в «Философских тетрадах» он сделал вывод о будущем миропорядке, как о глобальном миропорядке, управляемом из одного центра, на основе одного языка и одной культуры. А единственной страной, которая сможет бросить вызов складывающемуся глобальному господству англосаксонской цивилизации, по его пониманию сути вещей могла стать только пережившая пролетарскую коммунистическую революцию и мировоззренческую Реформацию Россия. Лишь такая Россия оказалась бы способной создавать глобальную русскую цивилизацию. Исходя из этих выводов, Ленин разрабатывал коммунистическое мировоззрение, как глобальное мировоззрение, мировоззрение общечеловеческого коммунистического бытия. В его понимании политического борца и революционера реформационное русское мировоззрение должно было стать само по себе особым стратегическим пространством, господство в котором позволяло вести борьбу за выстраивание глобальной коммунистической империи. Так он повернул геополитику к совершенно новому пониманию взаимосвязи и взаимообусловленности государственной политики и географического положения, к такому пониманию, в котором *географическое положение теряло первостепенную значимость*. *Первостепенную значимость, согласно Ленину, приобретало мировоззренческое пространство*. Ибо оно создавало в других странах мировоззренческих союзников и соратников, работающих на осуществление одного общечеловеческого глобального проекта. Господство в мировоззренческом пространстве позволяло преодолеть препятствия, вызванные неудачным географическим положением, а в

случае с Россией, отсутствием непосредственного выхода к тёплым океанам. Поэтому Ленин и его последователи отрицательно относились к той концептуальной геополитике, которая разрабатывалась в державах Запада и основной упор делала именно на географическое положение, обуславливала возможности государственной политики в первую очередь географическим положением.

При видении мировоззренческого пространства ключевым стратегическим пространством, в геополитической концепции опережающего промышленного и социального развития несущим стержнем становилось именно социальное развитие, целеустремлённо осуществляемое государственной политикой. Открытый Марксом основополагающий закон политической экономии, закон обязательного соответствия производительных сил и производственных отношений, производительных сил и социальных отношений общества давал прочную опору воззрениям на социальную политику, как на непремennую и важнейшую составную часть целенаправленной промышленной государственной политики. А поскольку этот закон лежал в основании марксизма, учения Маркса о научном социализме и диктатуре пролетариата, как диктатуре переходной ступени исторического развития на пути к общечеловеческому коммунистическому общежитию. Постольку данный закон напрямую обуславливал и обосновывал взаимосвязь индустриальной коммунистической Реформации русского православия с необходимостью опережающего социального развития, осуществляемого государственной диктатурой русского пролетариата, государственной политикой режима диктатуры русского пролетариата.

Первая Мировая война обострила все противоречия в самодержавной России до предела. И в феврале 1917 года в столице империи, в Петрограде, произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла царскую власть как таковую. Однако поддержку буржуазным партиям оказывала незначительная часть русского населения, главным образом из числа проживающих в нескольких крупных городах огромной многоукладной страны. Подавляющее большинство крестьян с православным мировоззрением и русского городского пролетариата не понимало пропагандистских задач и целей буржуазных партий, их политических воззваний. За полгода все буржуазные, мелкобуржуазные социалистические и социал-демократические партии поучаствовали во Временном республиканском правительстве, но ни одной из них не удалось получить доверие и поддержку, достаточную, чтобы закрепиться во власти и укрепить самую власть. Удержать страну от катастрофического распада, от потери русским государством положения геополитической мировой державы смогли только малочисленные, но сплочённые мировоззренческим стратегическим целеполаганием большевики, чью организацию создал и возглавлял Ульянов-Ленин. После совершённой большевиками в союзе с левыми эсерами народно-патриотической контрреволюции, а потом уже только ими – Великой социалистической революции, поддержанной пролетариатом и значительной частью общинного крестьянства, геополитические воззрения Ленина превратились в основу государственной политики советской власти, а с 1922 года государственной власти созданного им Советского Союза.

Советская власть сразу же принялась деятельно проводить мировоззренческую и социальную геополитику, для чего Ленин основал Коммунистический Интернационал и разработал программу глубоких социальных реформ, призванных начать раскрестьянивание образа жизни и сознания русского народа, массово превращать крестьян в индустриальный пролетариат. Воплощать программу в жизнь по его замыслу должна была руководимая большевистской партией советская государственная номенклатура, внешне неаявная, однако, по сути, прямая наследница и преемница традиций служилого дворянства эпохи 18 века, эпохи осуществления концептуальной государственной политики Петра Великого. Позднее это отчётливее проявилось в государственной политике Сталина, лучше других осознавшего существо замыслов Ленина и Петра Великого. Лениным же были введены в государственную политику и представления о необходимости углубления социальной геополитики до уровня, который потребуется для достижения господства в военно-

воздушном стратегическом пространстве. Ибо такое пространство по его убеждению возникло во время Первой Мировой войны.

Революционные реформы на основе коммунистической мировоззренческой геополитики стали необратимыми, когда Ленин разработал символику советского государства, как глобальную символику с земным шаром в гербе страны, и добился принятия НЭПа, новой экономической политики, как переходной ступени в становлении советской государственной политики. НЭП возрождал товарно-денежные отношения и интересы прибыльного капиталистического хозяйствования, но под надзором советской номенклатурной государственной власти. По существу дела НЭП постепенно подготавливал условия для перевода страны на путь всеохватного государственного капитализма, при котором правительство работало на получение прибыли, чтобы использовать её для сосредоточенных вложений в индустриализацию. Так Ленин вернул Россию на путь концептуальной стратегии Петра Великого, стратегии опережающего промышленного и социального развития, – непеременимого условия постоянного усиления государственной власти и стратегического расширения управляемого из России имперского пространства народов, народностей и племён.

В 20-е годы геополитическое могущество России восстанавливалось и возрастало главным образом за счёт наступления в мировоззренческом стратегическом пространстве, что только подчёркивалось обстоятельствами экономической и промышленной разрухи, которую оставила Первая Мировая война, а затем ещё и ожесточённая Гражданская война. Разруху временно усугубило и советское огосударствление промышленных предприятий, большинство из которых были построены на иностранные капиталовложения, воплощали иностранные технические, конструкторские открытия и решения. Для восстановления работы на таких предприятиях приходилось заново, почти с нуля создавать собственные инженерные школы, конструкторские учреждения, технологические разработки. Но уже первые пятилетки, начиная с 1928 года, стали превращать Россию в государство с самым быстрым в мире индустриальным развитием. За кратчайший срок Советская Россия обогнала в индустриальном производстве всех геополитических противников в Евразии, что позволило ей начать усиливаться и увеличивать сферы влияния посредством оснащаемых техникой военных сил. Во Второй Мировой войне она сокрушила Германию, несмотря на то, что та захватила и использовала всю промышленность континентальной Европы, и после самой разрушительной и кровопролитной войны в своей и мировой истории предстала второй индустриальной Сверхдержавой мира.

Превращению России во вторую индустриальную Сверхдержаву с глобальным влиянием способствовало ускоренное развитие государственной властью науки, материаловедения, химии, самолётостроения и ракетостроения, что требовалось для осуществления цели достижения господства в воздушном стратегическом пространстве. В советской России государственной политикой создавалось лучшее в мире, целенаправленно социальное и научно-методологическое образование. А в 50-е годы Россия стала одной из ведущих держав в научно-технических исследованиях, в переходе к научно-технологической революции в промышленном производстве. Создание на таких основаниях собственной передовой индустриальной промышленности, наращивающей производство ядерного оружия и межконтинентальных ракет, стратегического ракетноносного подводного флота, и без географического доступа к южным морям и океанам окончательно преобразовало Россию в глобальную Сверхдержаву, повсюду теснящую США, стремящуюся управлять всем остальным миром. Наконец, в 60-70-е годы, когда завершалось раскрестьянивание русской деревни и русского сознания, Россия достигла наивысшего могущества в своей истории, прямо обусловленного успехами в проведении мировоззренческой геополитики и завоеваниями в воздушном стратегическом пространстве.

Новые представления о геополитике и стратегических пространствах, которые разработал Ленин на основаниях концептуальной стратегии Петра Великого, после Великой социалистической революции большевиков сразу начали изменять государственную

политику во всём мире. Попытки превратить свои политические идеологии в соперничающие с коммунистическим мировоззрением глобальные мировоззрения, чтобы иметь возможность вести борьбу за завоевание мировоззренческого стратегического пространства, предпринимали Муссолини и другие идеологи фашизма в Италии, Гитлер и другие вожди нацистов в Германии, либеральные демократы в США. По примеру Советской России фашисты в Италии, нацисты в Германии, сторонники Т.Рузвельта в США принялись подчинять государственную политику своих держав стратегии ускоренного промышленного и социального развития, видя в этом единственное средство для противоборства с Россией в задачах удержания и расширения геополитического пространства своих стран. И именно пример России в отношении к воздушному пространству, как стратегическому пространству, побуждал их направлять государственную политику к цели ускоренного наращивания самолётостроения и ракетостроения.

После Второй Мировой войны только государства, в которых господствующим политическим силам удавалось подчинить государственную политику стратегии промышленного и социального развития, наращивать присутствие в воздушном пространстве, - только такие государства добивались экономических и внешнеполитических успехов. Но в самой России упор перемещался на вопросы исключительно промышленного развития, и терялось понимание самостоятельного значения социального развития, так как видение социального развития оказалось в плену у марксистской и коммунистической догматики, которая не дала ему ясного и тем убедительного определения. А поразительный геополитический успех в укреплении империи, достигнутый благодаря завоеванию мировоззренческого пространства, благодаря коммунистическому мировоззрению, поставил советскую государственную политику и советскую государственную власть в полную зависимость от коммунистической догматики. И это имело тяжёлые последствия.

Уже в 50-е годы в Советской России стали появляться и набирать влияние в производственных отношениях, в гуманитарных направлениях государственных отношений молодые поколения русских горожан, которые рождались в индустриальных городах. Они получали соответствующее передовой индустрии, науке и технике образование и полностью отрывались от земледельческих интересов, от дворянского, крестьянского и пролетарского мировосприятия, от народно-патриотической духовной и материальной культуры. У этих поколений русских горожан постепенно исчезало понимание не только православного мировоззрения, но и коммунистического мировоззрения и слабели ощущения духовной связи с земледельческим по истокам и существу народным обществом. В отсутствии возможностей развития приемлемой им духовной культуры внутри страны они потянулись к западной буржуазной культуре, к буржуазным представлениям о свободах выбора и потребления. У этих поколений зарождались и крепили убеждения, что появление в России капиталистического рынка труда отвечало бы их интересам, так как позволило справедливее получать вознаграждение за их высококвалифицированный труд, оплачиваемый много меньше, чем подобный труд на Западе. Коммунистический советский строй оказывался для них не справедливым, а потому не справедливым и противоречащим природе вещей оказывалось само коммунистическое мировоззрение. Так в Советской России в среде новых поколений русских горожан вызревала потеря веры в мировоззрения, защищающие народно-патриотические общественные отношения и соответствующие им отечественные производственные интересы. Вследствие упадка веры в коммунистическое мировоззрение, который укоренялся в среде новых поколений русских горожан, советский режим государственной власти с 60-х годов вырождался в военно-чиновничий режим, подобно тому, как это происходило в царской России 19 века. И так же, как царский режим 19 века, он терял способность к проведению стратегического курса на опережающее промышленное и социальное развитие. Темпы роста промышленного производства в советской России стали устойчиво уменьшаться, что переводило расширяющую Холодную войну с США сверхдержаву в состояние экономического и политического кризиса.

В таких обстоятельствах наиболее сплочёнными и целеустремлёнными становились

сторонники буржуазного либерализма, которые множились главным образом среди гуманитарной интеллигенции и части оторванной от индустриальных интересов партийной и комсомольской номенклатуры. Либералы наилучшим образом воспользовались политикой Перестройки, политикой реформ советских государственных отношений, которую в 1985 году провозгласил генеральный секретарь ЦК КПСС М.Горбачёв. Требованиями полных политических и экономических свобод, снятия всех препятствий рыночному товарно-денежному обмену, как неременному условию для подъёма благосостояния горожан, либералы завоевали влияние в крупных городах России и в 1989 году начали совершать либеральную буржуазно-демократическую революцию.

Сокрушив советскую имперскую власть и организовав политическое преследование сторонников коммунистического мировоззрения, либералы невольно показали всё значение мировоззренческого пространства для устойчивого геополитического положения России. Ибо, потеряв господство в мировоззренческом пространстве, за которым последовал распад учреждений образования и подготовки участников сложного индустриального производства, Россия потеряла влияние не только на глобальном уровне, но и в той субконтинентальной части Евразии, в которой самодержавной царской Россией на основаниях православного мировоззрения создавалась субконтинентальная империя. За несколько лет Россия пережила беспримерную геополитическую катастрофу, очутилась на краю пропасти, в которой отчётливо увидела своё полное историческое исчезновение.

5. РАЗЛОЖЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После распада Варшавского Договора и Советского Союза, казалось, неизбежным будет и распад самой России. То есть той России, какой она была в Советском Союзе, а именно республикой, в которой проживали подавляющее большинство русских. Россию тогда удержали от гибели два обстоятельства.

Во-первых, всеохватная индустриализация и индустриальная милитаризация, которую шесть десятилетий осуществлял коммунистический режим на основании стратегии опережающего промышленного и социального развития.

Проблемы сохранения какого-нибудь контроля над крупным арсеналом ракетно-ядерного оружия и предприятиями по его изготовлению вынуждали сдерживаться внешних врагов России. Ибо такой контроль в огромной и переживающей распад старой власти стране можно было обеспечивать лишь изнутри неё самой. А сложные энергетические, транспортные и хозяйственные связи между регионами северной по расположению России были основой, как выживания большинства её городского населения, так и осуществления экономической политики либералов, направленной на подчинение всех отношений ускоренному расширению рыночного товарно-денежного обмена. Это заставляло господствующие в девяностые годы 20-го века круги либералов смириться с необходимостью укрепления центральных чиновно-силовых учреждений создаваемой заново исполнительной власти, долженствующей поддерживать в первую очередь именно данные связи. К тому же валютные кредиты для помощи либералам в осуществлении рыночных реформ давались Западом под гарантии запасов сибирского сырья и поддержания в рабочем состоянии индустриальных транспортных, энергетических сетей, которые позволяли вывозить необходимое Западу сырьё и сохранять транспортные коридоры из Европы в Дальневосточную Азию и Китай. Поэтому либеральные и местные «элиты» регионов и этнических меньшинств, берущие и открыто разворовывающие внешние кредиты для личного и кланового обогащения, волей или неволей вынуждались к сдержанности в проявлениях своих стремлений к полному отделению и выделению подконтрольных им территорий в самостоятельные государственные образования.

Во-вторых, препятствием к распаду России стал подъём народно-патриотического сознания у старших поколений русского населения и национал-патриотического фашистского и нацистского сознания у значительной части русской городской молодёжи. Подъём народно-патриотического сознания у старших поколений в индустриальных городах и на русском селе возродил коммунистическую партию, но уже в виде парламентской партии. Коммунисты объединили всевозможных народных патриотов в народно-патриотический фронт и вскоре на выборах всех уровней стали одерживать бесспорную политическую победу над либералами. Это вынуждало либералов расширять силовые, репрессивные учреждения правительства, с их помощью выстраивать диктатуру исполнительной власти, которая таким образом получала средства всё откровеннее выражать интересы набирающего безмерное финансовое влияние слоя спекулятивно-коммерческих скоробогатеев, вообще, и финансовых олигархов, в частности. Хотя либералы удерживали господство в центральных учреждениях исполнительной власти, в правительстве страны, в средствах массовой информации, они вынуждены были смириться с завоеванием народными патриотами большинства мест в представительных собраниях всех уровней, - и смириться из-за роста фашистских и нацистских настроений среди русской городской молодёжи. Вожди русской молодёжи, в первую очередь самого влиятельного молодёжного движения Русское Национальное Единство, в отличие от народных патриотов пугали либералов своими непарламентскими воззрениями и видениями решения политических противоречий. Отталкиваясь от догм и мифов немецкого нацизма, они открыто выступали против многочисленных среди либералов, определяющих образ либералов в революционной России евреев и еврейских полукровок.

Однако продолжающийся углубляться кризис православного и коммунистического мировоззрений мешал русским народным патриотам и национал-патриотам противодействовать всеохватной хищной воровской приватизации и ничем не сдерживаемой спекуляции, разрушению индустриального производства и неуклонному ослаблению геополитического положения страны. Ни одно движение народных патриотов и национал-патриотов не смогло предложить собственного проекта дальнейшего ускоренного промышленного и социального развития страны, необходимого для сохранения и укрепления её геополитического положения в условиях необратимого раскрестьянивания русского сознания. Коммунисты и прочие народные патриоты по этой причине уже потеряли власть. А вожди русских национал-патриотов, все как один лишённые маломальских способностей к трезвой оценке текущей действительности в России и разработке соответствующих этой действительности идеологий, оторвали национал-патриотизм от *связи с интересами передового постиндустриального производства, от соответствующей новым историческим обстоятельствам социальной промышленной политики*. Это сделало их политически беспомощными, не способными выступать развивающейся политической силой, готовой бороться за власть в обстоятельствах информационно-технологической революции. Окончательное политическое поражение в борьбе за внутреннюю и внешнюю политику русские народные патриоты и национал-патриоты потерпели ещё 3-4 октября 1993 года. Тогда, используя своё господство в центральной исполнительной власти, либералы совершили политический переворот, кроваво подавили народных патриотов и национал-патриотов, загнали их в поле своей, навязанной военным насилием конституции. Данная конституция подчинила политические отношения страны диктатуре либерального космополитизма и выразителей спекулятивно-коммерческих, спекулятивно-посреднических интересов, диктатуре, которая узаконила все способы личного обогащения, повела ожесточённую борьбу с противниками индивидуализма и потребительского эгоизма и праздного паразитизма. Вследствие такой политики к 1998 году вся рыночно ценная собственность была расхищена, а производство почти везде пришло в упадок или остановилось. Обнищание же населения стало настолько ужасающим, что столичная исполнительная власть потеряла устойчивость, она больше не могла противодействовать повсеместному росту недовольства и развёртыванию войн за передел собственности. Россия

оказалась на самом краю пропасти, на пороге нового распада.

Дефолт правительства в августе 1998 отразил полное исчерпание возможностей продолжать политику «чистого» либерализма. Он позволил народным патриотам и национал-патриотам перейти в политическое контрнаступление и вновь спасти Россию. Но даже в обстоятельствах после дефолта, после финансового и банковского кризиса, когда народным патриотам при поддержке национал-патриотов удалось создать своё правительство, правительство Примакова, они не смогли осуществить контрреволюцию и сменить режим. Вскоре они были изгнаны из правительства олигархами и всеми сторонниками коренного усовершенствования режима, превращения его в режим чиновно-полицейской диктатуры выразителей самых крупных спекулятивно-коммерческих интересов. Обновлённый невнятной идеологией либерального патриотизма режим перехватил призывы и слоганы народных патриотов. И с 2000 года чиновно-полицейским упорядочиванием экономических, бюджетных и политических отношений он стал создавать условия для наращивания коммерческой эксплуатации России, для чего искать опоры в народно-патриотических настроениях политически беспомощного русского населения, увидев в этом единственное условие своего выживания и дальнейшего роста крупных состояний и капиталов. Так силы, которые создали режим, оказались заинтересованными в определённом восстановлении традиции народно-патриотической государственной самостоятельности России, позволяющей наращивать крупные спекулятивно-коммерческие капиталы и защищать интересы их владельцев от внешних конкурентов. Новая политика режима временно успокоила страну, она запустила коммерческую эксплуатацию созданного в советское время производства и навыков участников производственных отношений, создала рынок труда. Поскольку для восстановления даже простейшего производства потребительских товаров понадобилось возродить социальные производственные отношения, постольку усовершенствование власти происходило за счёт определённого примирения с народным патриотическим сознанием старших поколений, не опасным для сущностных основ режима. Такая политика привела к оживлению фондового рынка активов и ценных бумаг, к стремительной капитализации созданной в советское время экономики России. Благодаря ней происходило становление крупных сырьевых и металлургических компаний, интересы которых объединяли страну и распространялись за её пределы, вынуждая режим усиливать вооружённые силы армии и искать способы, как остановить военно-дипломатическое геополитическое отступление хотя бы на некоторых направлениях. Однако политика либерального патриотизма и наращивания коммерческой эксплуатации страны имеет свои пределы в восстановлении промышленного производства и геополитического положения России. Пределы ей обозначает неспособность режима перейти к созидательному капиталистическому развитию и возродить даже советские индустриальные социальные отношения, не говоря уже о выстраивании более сложных социальных отношений, необходимых для постиндустриального развития. А потому этот режим не в состоянии достигнуть уровня промышленного производства, который был в 1990 году, не говоря уже о том, чтобы его превзойти. То есть он не в состоянии достигнуть того геополитического положения и значения, которое имела Россия накануне распада СССР, что предопределяет неуклонное ослабление роли России в мировой политике, постепенно преобразует Россию из самостоятельного субъекта мировой политики в её объект.

В эпоху наступающей постиндустриальной цивилизации главным препятствием для перехода к постиндустриальному промышленному развитию России и возвращению к концепции Петра Великого является отсутствие среди русских горожан чёткого понимания, что такое есть социальные отношения, что такое цивилизация, что такое мировоззрение. Это стало прямым следствием невозможности в условиях последних десятилетий советского режима власти развивать новые, городские идеологические и мировоззренческие теории и политические проекты, то есть тогда, когда ускорялось разложение народного патриотического мировоззрения, народной культуры, начался кризис коммунистического мировоззрения.

Поскольку в нынешней России *никто* не может внятно объяснить, какой смысл заключён в понятиях социальные отношения и цивилизация, а представления о социальной политике свелись только к спорам о размерах пенсий, о всевозможном вспомоществовании, о необходимых средствах на образование и здравоохранение. Поскольку господствующие в исполнительной власти либеральные патриоты и их сторонники рассматривают социальные программы, как вынужденную обузу, на которую поневоле приходится тратить некоторые правительственные доходы. Из-за путаницы в своих головах либеральные патриоты запутали всех бездумной и бессодержательной демагогией, а их оппозиционные противники, в том числе коммунисты, не в состоянии найти на эту демагогию разумных и убедительных ответов.

Поэтому для продолжения темы социальной геополитики приходится приостановиться на этих вопросах, дать им объяснение.

Так что же есть социальные отношения и цивилизация? Какое содержание заключено в этих понятиях? Почему понадобилось вводить данные понятия?

Представления о социальных отношениях возникли с зарождением государства, основной целью и задачей которого было подавление родоплеменных общественных отношений ради объединения нескольких племён в единое сообщество. В условиях раннего государственного развития постепенно возникали новые, надплеменные общественные отношения, заменяющие или подчиняющие родоплеменные общественные отношения. Такие надплеменные общественные отношения в европейской греко-римской понятийной традиции получили название *социальных отношений*. А цивилизацией стали называть государства, в которых социальные отношения достигли наивысшего развития и стали неотъемлемой составной частью государственных отношений. Само выражение «цивилизация» происходит от древнегреческого слова «сита», что означало «город». И это не случайно. В городе достигалось наиболее полное разложение родоплеменных отношений, что позволяло и вынуждало как раз в городе выстраивать самые сложные социальные отношения.

Подавляющее большинство людей цивилизацию связывают исключительно с материальными достижениями тех или иных государств. Однако *материальные достижения являются лишь следствием высокого уровня развития социальных отношений*. Ибо социальные отношения позволяли укоренять разделение труда между множеством людей, у которых слабели родоплеменные отношения, расширять ремесленное городское производство, придумывать и использовать и письменность для накопления и передачи знаний, и новые материалы, новые виды энергии и способы её производства и использования. Только социальные отношения делали возможным сложное культовое и дворцовое строительство, повышение производительности труда, изобретение и воплощение таких орудий труда, изделий и товаров, какие невозможно даже замыслить при родоплеменных отношениях. И чем выше был в конкретном государстве уровень развития социальных отношений, тем большими оказывались и его успехи в материальном их выражении.

Для обоснования и развития социальных отношений появлялись обслуживающие государственную власть сложные религиозно-мировоззренческие учения, ставящие целью вытеснение и замену родоплеменных религиозных культов более сложными надплеменными религиозными культами, призванными поглощать и перерабатывать родоплеменные культы. Когда надплеменные религиозные культы вытесняли или заменяли родоплеменные культы, тогда социальные отношения и превращались в господствующие отношения между участниками государственных отношений. Иначе говоря, уровень развития социальных отношений всегда и везде зависел от уровня развития религиозно-мировоззренческих, культовых отношений и был ими обусловлен. Самым же высоким он оказывался там, где наибольшего развития получали городские хозяйственные отношения. Именно для городского образа жизни с широкими возможностями выбора личного поведения большое значение приобретали надплеменные религиозные мировоззрения, культы и развивающееся

культовое духовное и материальное творчество, которые подталкивали к воспитанию сложных социальных отношений.

В Древнем Мире до наивысшего уровня развития социальные отношения были подняты в полисах Древней Греции, в которых возникла самостоятельная полисная цивилизация, в корне отличающаяся от земледельческих цивилизаций Азии и Египта. Представительное государственное самоуправление и развитые рыночные интересы на основе интересов семейной собственности раскрепостили в полисах стремление семейных собственников к рыночной конкуренции, к рациональному хозяйствованию, благодаря чему родоплеменные связи рвались и без внешнего государственного насилия. Вследствие рыночной конкуренции семейных собственников и необходимой для успешной конкуренции рационализации сознания в полисах совершался переход к интенсивному производству, – он совершался и в городах, и в земледелии, где зарождалось хуторское, кулацко-фермерское землепользование. В полисах, в которых на основе интенсивного хозяйствования сложились многочисленные средние слои имущественных горожан, данные слои превращали представительное самоуправление в гражданскую политическую демократию, способствующую образованию политических социальных отношений и социального общественного сознания. Социальные общественные отношения полисных государств Древней Греции оказывались много сложнее, чем социальные отношения в земледельческих цивилизациях, в которых основным производством было земледельческое производство. Ибо земледельческое производство в, так называемых, восточных, земледельческих цивилизациях велось общинами, сохраняющими определённые традиции родовых отношений, которые исключали конкуренцию, рационализацию сознания и интенсивное хозяйство. С высоты своих полисных гражданских социальных отношений, дающих мощный толчок развитию естественной науки, прикладной механики, росту производительности труда и уровня жизни *участников производства*, древние греки стали называть варварами, как дикие племена, так и представителей земледельческих цивилизаций.

Всякое государство и в Древнем Мире, и в Средние века самостоятельно создавалось только из родственных этнических племён. И социальные отношения развивались исключительно как этнические отношения, как социальные отношения государствообразующего этноса, который до определённого предела мог вовлекать в них некоторые другие этносы. А развитие социальных отношений государствообразующего этноса обуславливалось историей развития его государственного и мировоззренческого сознания, в течение веков переживало эволюционные накопления количественных проявлений и революционные, скачкообразные преобразования их в новое историческое качество.

Великорусские социальные отношения после Великой Смуты и народной социальной революции, то есть с начала 17 века, складывались на основаниях земледельческого православного мировоззрения и общинного земледелия. Они становились народно-патриотическими социальными отношениями, при которых, как и в древних земледельческих цивилизациях, в среде крестьянских общин сохранялись определённые традиции родоплеменных отношений. Такие социальные отношения оказывались отсталыми для эпохи подъёма промышленного производства и индустриализации, и в 20-м веке, после Великой социалистической революции, они подверглись реформационному изменению ленинским коммунистическим мировоззрением, которое обосновало вытеснение местного общинного землепользования народным общественным индустриальным хозяйством, местнического общинного мировосприятия общенародным общественным мировосприятием. Социальные отношения русского народа три столетия определялись православным и коммунистическим мировоззрениями. Однако в последние десятилетия, с завершением раскрестьянивания, разрушения общинных связей и традиций родоплеменных отношений, с упадком влияния на поведение, на помыслы, на этику и мораль большинства русских горожан, как православия, так и коммунистического ленинизма, они тоже стали приходить в упадок. Разложение русского социального сознания стало исторически

необратимым как раз из-за завершения раскрестьянивания русской деревни и уничтожения общинного земледелия. Это разложение ускорило в 90-е годы 20-го века, когда к власти в собственно России *вследствие мировоззренческого кризиса русского народа* пришли революционно настроенные либералы. Проводя политику шоковых рыночных преобразований и защиты индивидуализма, оголтелой приватизации всего и вся, в том числе каждого человека, либералы за десятилетие русской буржуазно-демократической революции, которая началась в 1989 году, окончательно оторвали молодые поколения русских горожан от традиций народного патриотизма, от народно-патриотических социальных отношений. Поэтому именно при либералах среди молодых поколений наиболее биологически здоровых русских горожан, носителей бессознательного этнического умозрения проявился неосознанный поиск новых социальных идеологий, обозначился подъём этнократического и мелкобуржуазного национал-патриотизма, заражая русскую молодёжь новыми, нацистскими, расистскими взглядами и идеями, которые укоренялись все 90-е годы и превратились в неотъемлемую часть русского молодёжного сознания. Поскольку укоренение взглядов и идей в конечном итоге порождает потребность в соответствующих им социально направленных политических поступках и действиях, постольку поворот к националистическим поступкам и действиям и наблюдается в настоящее время, подготавливая почву для революционного становления русских национальных социальных отношений.

Сам либерализм является асоциальным, необщественным и противообщественным мировоззрением, выражающим и защищающим интересы мирового спекулятивного посредничества в товарно-денежном обмене. Он объявляет полную свободу индивидуума от каких-либо нравственных, этических обязательств перед другими индивидуумами, требуя уничтожения государственного насилия, которое и породило социальные отношения как таковые. Для либерализма человек является главным образом потребителем товаров и посреднических услуг или же самостоятельным товаром, имеющим определённую рыночную цену.

Когда либерализму удаётся навязать своё господство государствообразующему этносу, тогда у этого этноса расшатываются и разрушаются, как социальные отношения, так и его цивилизационные достижения. При господстве либерализма всегда и везде происходил и происходит цивилизационный упадок, который способен привести цивилизацию к гибели. Поскольку современная цивилизация есть промышленная цивилизация, и самыми передовыми цивилизационными социальными отношениями являются городские производственные отношения, обеспечивающие быстрое развитие промышленного производства. Постольку при господстве либералов и либеральных патриотов Россия пережила не просто разрушение советской государственной власти, а разрушение *цивилизационных достижений советской власти*. Либерализм за десятилетие отбросил нынешнюю Россию к состоянию до цивилизованного одичания. Чтобы скрыть или остановить это одичание, созданный либералами и коммерческими спекулянтами режим диктатуры спекулятивно-коммерческих интересов вынужден привлекать для поддержания учреждений исполнительной власти нынешней России больше не опасную ему православную церковь, не без успеха стремясь превратить её в олигархическую организацию. Именно привлечение средневекового православного мировоззрения для легитимации в русском народно-патриотическом сознании старших поколений, как либерализма, так и диктатуры выразителей крупных коммерческих интересов, и делает упадок русских социальных отношений и цивилизационных достижений советского коммунистического режима столь быстрым и поразительным, для большинства необъяснимым. А в ближайшей перспективе разрушающим всё геополитическое пространство страны. Наглядным отражением губительного цивилизационного одичания России стало широкое участие в воровской приватизации бывшей советской государственной собственности и выстраивании учреждений нынешнего режима, режима диктатуры коммерческих интересов, представителей социально отсталых этнических и

расовых меньшинств. Тех меньшинств, у которых ещё господствуют или сохраняют первостепенное значение варварские родоплеменные и общинные традиции взаимодействия, часто организующие их в хищные паразитические сообщества, и исторически никогда не было собственных побуждений и интересов к социальному развитию вообще, а уж тем более к такому социальному развитию, которое необходимо для промышленного производства.

6. НАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Дефолт в августе 1998 года показал, что либералы довели Россию до грани краха. Режим спасли либеральные патриоты, сторонники усиления чиновно-полицейских учреждений власти, выстраивания патриотического коммерческого капитализма и возрождения средневекового народно-патриотического социального сознания. Они вытеснили либералов из учреждений власти, и сделали упор на поддержку крупных собственников спекулятивно-коммерческих учреждений и капиталов, на налаживание всеохватной коммерческой эксплуатации России, её населения.

Налаживание коммерческой эксплуатации России, русского населения и капитализация экономики являются *пока ещё* возможными благодаря тому, что советская государственная власть, мобилизационно воплощая концепцию опережающего индустриального промышленного и социального развития, создала огромную государственную собственность, инфраструктурные сети внутри страны, в Восточной Европе, в морях, обеспечила стране выход к глобальным рынкам. Вдохновляя русский народ на чрезвычайные свершения, она осуществила всеохватную и беспримерную разведку недр, наладила промышленную добычу и первичную переработку различного сырья, транспортировку его на богатые внешние рынки и подготовила множество специалистов в разных отраслях производства. Поэтому обусловленный стремительным развитием Китая и Индии взлёт мировых цен на нефть и газ, который происходит последние годы, а именно с самого начала 21 века, привлёк внимание мировых спекулянтов к внутреннему рынку активов в России, что обеспечило стремительный рост капитализации выставляемых в коммерческий оборот сырьевых и перерабатывающих сырьё предприятий. Возникло краткосрочное и крайне редкое для пережившей буржуазную революцию страны положение вещей: огромный приток в Россию нефтедолларов и газодолларов дополнился притоком значительного мирового капитала в активы коммерчески привлекательных предприятий. В совокупности это вдруг вывело Россию из глубокого финансового кризиса и создало впечатление, что в сравнении с 90-ми годами 20-го века, когда царил финансовый и хозяйственный развал, экономика России находится на подъёме. А потому, де, можно поддерживать низкую, средневековую культуру социальных отношений и обусловленный этим экстенсивный, малопроизводительный и неконкурентоспособный характер российской экономики, а так же содержать организующий её забюрократизированный, крайне неэффективный, коррумпированный, непомерно раздутый аппарат управления действующей исполнительной власти.

Но именно при таких, временно благоприятных обстоятельствах особенно наглядно проявились исключительно спекулятивно-коммерческие интересы *всего* слоя крупных частных собственников и владельцев капитала в нынешней России. Естественным отбором этот класс больше десяти лет после распада советской государственной власти складывался, как асоциальный класс, всеми своими помыслами и побуждениями сосредоточенный на стремлении любой ценой и любыми средствами получать наибольшую спекулятивно-посредническую прибыль, значительная доля которой направлялась и направляется на потребительский паразитизм, на безмерное удовлетворение личных прихотей и изощрённых пороков. Теперь уже непосредственный исторический опыт послесоветской России доказал закономерность: ни на что иное этот класс не способен. Весь слой крупных частных

собственников и владельцев капитала, объединённый в господствующий в России имущественный класс, сам по себе не хочет и не может заниматься созидательной деятельностью, создавать и развивать капиталистическое промышленное производство.

С таким классом собственников и владельцев капитала исполнительная чиновно-полицейская власть России для решения проблем удержания и укрепления режима принуждается под давлением и внутренних, и внешних причин возвращаться к непосредственному управлению хозяйственной деятельностью, как было при советской власти, но без опоры на системное мировоззренческое обоснование такого управления. Она поневоле создаёт правительственные компании, выкупает или отнимает у наиболее одиозных частных собственников важнейшие производства, в том числе те, которые дают правительству необходимые коммерческие валютные доходы, финансово и политически поддерживает их деятельность и определённую модернизацию иностранными технологиями. И она же защищает такие предприятия от их захвата выразителями спекулятивно-коммерческих интересов, от намеренного доведения спекулянтами части предприятий, – в том числе ряда выполняющих правительственные и межправительственные заказы оборонных предприятий, – до банкротства и перепродажи тем, кто их разрушает или закрывает ради непроизводственных целей. Иначе говоря, исполнительная чиновно-полицейская власть в России в вопросах сохранения основ экономики не только не получает действенной поддержки от владельцев частного капитала и собственности. Но она вынуждена постоянно увеличивать надзорные и контролирующие учреждения, их произвол ради спасения жизненно важных для режима производств, долженствующих продвигать интересы этих самых владельцев частного капитала и собственности внутри страны и за её пределами. Данное противоречие с течением времени только углубляется, ибо размах стремлений нынешних частных собственников к посредническому обогащению постоянно растёт, – оно надрывает режим диктатуры крупного посреднического капитала, делает режим крайне неэффективным, непомерно раздувающим численность и значение чиновных и силовых учреждений власти в центре и на местах. В конечном итоге это противоречие заведёт режим в экономический и политический тупик. Потому что правительственное *внесистемное* и разлагающее либерализмом советские социальные отношения вмешательство в производство делает работу предприятий кратно менее производительной, чем она было при советской власти. К тому же полтора десятилетия развала базовых отраслей промышленности и энергетики, упадка жилищного и производственного строительства, износа инфраструктуры начинают давать о себе знать. Коммерческий товарооборот и перемещение людей увеличиваются. Коммерческое потребление электроэнергии растёт. А электростанции, парк промышленного оборудования, самолётов, речных и морских судов, автомобильные и железные дороги, трубопроводы, лифты и коммуникации ЖКХ изношены настолько, что дальше их эксплуатировать оказывается всё сложнее и опаснее. Разведанные и освоенные в советское время месторождения сырья истощаются. Прилегающие к транспортным сетям леса в основном вырублены. Связанные с производственной деятельностью, с обслуживанием сложной техники специалисты стареют, их численность устойчиво сокращается. Россия приближается к началу цепной реакции техногенных катастроф. А русские, как государствообразующий этнос, оказались на грани демографической катастрофы.

Одним из немногих исторических оправданий режима оказывается то, что в стране появились крупные сырьевые и металлургические капиталистические компании, созданные для наилучшей коммерческой эксплуатации дающих валютную прибыль отраслей, а так же военные правительственные холдинги, которые выжили вследствие обслуживания заказов Китая и Индии, а теперь переходят в наступление на других внешних рынках. Их интересы всё чаще и непримиримее сталкиваются с интересами западных корпораций. Эти столкновения вынуждают имеющий крупные коммерческие активы чиновно-полицейский режим власти восстанавливать военную составляющую внешней политики России, искать поддержки среди широких слоёв русского населения и союзов с режимами в развивающихся

странах, особенно с теми, которые стремятся к политической независимости от Запада. При этом в отношениях с Китаем и Индией Россия оказывается в положении зависимого союзника, так как эти державы полтора десятилетия быстро наращивали промышленное производство и в ряде отраслей, а особенно в высокотехнологичных отраслях, догнали или уже существенно превосходили Россию способностью создавать поточные рыночные товары. Поэтому геополитическое положение России становится всё более уязвимым, всё менее самостоятельным и всё очевиднее зависящим от внешних обстоятельств и других субъектов мировой политики. Такое положение дел вызывает растущее беспокойство у владельцев активов крупных российских компаний и холдингов, подталкивает этих владельцев к невольной готовности согласиться со сменой режима на любую власть, способную защитить крупный внутренний капитал от конкурентов и не допустить декапитализации активов. А угроза декапитализации активов вскоре обязательно появится в повестке дня России.

Россия доведена сложившимся в 90-е годы режимом диктатуры коммерческих интересов до критического состояния. В ближайшие год-два она пройдёт высшую точку успехов в осуществлении текущей политики наращивания коммерческой эксплуатации страны, после чего начнётся постепенный и необратимый упадок, грозящий ей новым витком распада. Будет достигнута предельная капитализация того, что было создано при советской власти, а увеличение зависимости страны от нарастающего импорта дорогостоящих технически сложных и потребительских товаров превратит Россию в хронического заёмщика капитала с крайне неустойчивыми финансами и слабеющим фондовым рынком. В таких обстоятельствах возможности правительства финансировать проекты поддержания экономики и определённого уровня жизни основной массы населения станут незначительными. А следствием будет обострение внутривнутриполитических противоречий, неустойчивость фондового рынка и потеря способности чиновно-полицейского режима контролировать страну, в первую очередь молодые поколения русских горожан, их мелких и средних имущественных собственников и участников производственных отношений.

Спасти даже нынешнее геополитическое положение и значение России вскоре окажется невыполнимым без революционного возвращения к политике Петра Великого. То есть, без новой мобилизационной концептуальной стратегии опережающего промышленного развития, но уже как постиндустриального капиталистического развития, опережающего все остальные страны мира в постиндустриальном промышленном производстве. А такое развитие невозможно без опоры на стратегию опережающего, самого передового в мире социального развития государствообразующего этноса, то есть русских.

Однако переход к политике опережающего все остальные страны мира промышленного и социального развития наталкивается на целый ряд препятствий, кажущихся непреодолимыми. Эти препятствия вызваны следующим обстоятельством. Кроме автора данной работы, пока никто в России не может внятно объяснить, что же такое мировоззрение, зачем оно нужно в государственных и экономических отношениях, почему и как оно исторически развивается. Нет и понимания того, что Россия и христианский мир остальной Европы и Северной Америки переживают мировоззренческий кризис такого уровня, из которого нельзя выйти усовершенствованием, дальнейшей реформацией христианского мировоззрения. И без появления совершенно нового общественного социального мировоззрения, окончательно отрывающегося от христианского мировоззрения через его диалектическое отрицание, Россию и христианский Запад ожидает гибель, сравнимая по причинам и следствиям с гибелью эллинистического мира и Римской языческой империи. А русский государствообразующий этнос России, благодаря опыту перехода на разработанное Лениным научно-методологическое коммунистическое социальное мировоззрение, легче других державных этносов способен воспринять новое мировоззрение и перейти на него, получить возможность вернуться к борьбе за мировоззренческое геополитическое и стратегическое пространство.

Таким образом, Россия приближается к исторической черте, за которой она или

погибнет, или вдохновится совершенно новым социальным мировоззрением, которое откроет перед ней новую историческую перспективу глобальной сверхдержавной политики, даст ей возможность самой передовой социологизацией городского общественного сознания осуществить прорыв к опережающему постиндустриальному промышленному и социальному развитию.

К переходу на новое общественное социальное мировоззрение Россию уже подталкивают самодовлеющие причины.

Во-первых . При колоссальных жертвах, которые русский государствообразующий этнос нёс весь 20 век ради ускоренного индустриального развития Советского Союза, он при либеральных рыночных реформах и распаде СССР в большинстве своём повсюду оказался едва ли ни самым бесправным, доведённым до бедности, до нищеты, и в первую очередь в самой России. Наглое, проводимое и поддерживаемое либеральной властью расхищение бывшей советской государственной собственности, достижений героического и самоотверженного труда трёх поколений участников индустриализации страны за последние полтора десятилетия обесмыслило созидательную трудовую деятельность как таковую. Особенно в сознании городской русской молодёжи. А безмерное, доходящее до извращения паразитическое потребление, которое в жизни и в СМИ вызывающе показывает прослойка асоциальных скоробогатеев, в подавляющем большинстве своём никак не связанных с производственной деятельностью, часто инородных и безродных воров, сутенёров, спекулянтов, только укоренило в России особое представление о рыночном капитализме. Рыночный капитализм, согласно этому представлению, обогащает лишь воров и коммерческих посредников, а на труд обрекает не умеющих воровать и спекулировать неудачников.

Вернуть в России первостепенное значение труда, производства уже нельзя без чрезвычайных мер, без революционного свержения нынешнего режима и сурового, на века показательного наказания либералов и почти всего господствующего имущественного класса, то есть всех, кто обогатился не производственной деятельностью, а так же их наследников и правопреемников. Пример нацистской Германии, которой пришлось решать подобную задачу, показывает основное содержание таких мер. Смысл и целеполагание соответствующих мер – *нигде в стране и в жизненном пространстве государствообразующего этноса, ни в одном учреждении власти больше не будет места для тех, кто не связан с передовой и прибыльной промышленной деятельностью или с высокопроизводительным сельскохозяйственным трудом, с их обслуживанием, в том числе коммерческим*. И нигде в мире не будет спокойствия и укрытия для тех, кто обогатился расхищением труда участников советской индустриализации и вывозил приобретённые в смутное время спекулятивные капиталы и активы за границы.

Однако выполнить соответствующие политически необходимые меры нельзя вне глобальной геополитической стратегии, которая при технологической и технической слабости нынешней России может опереться единственно на геополитическое социальное мировоззрение, позволяющее захватывать мировоззренческое стратегическое пространство, создавать в самых передовых странах идейных и политических союзников.

Во-вторых . Вследствие раскрестьянивания уклада и образа жизни, из-за распада общинных связей русский государствообразующий этнос надорван морально, потерял цель общественного существования, а потому численность русского населения устойчиво сокращается, и в составе русского населения господствуют старшие поколения, которые угнетают молодёжь, пытаются навязать ей собственные болезни разложения, отмирающее народно-патриотическое сознание и мировоззренческий цинизм. Но на мировоззренческом цинизме нельзя выстраивать социальные отношения, необходимые для городской производственной деятельности как таковой. Для выстраивания социальных отношений надо пробудить веру в истинность нового идеала общества как раз у тех, кто не имел непосредственной связи со старой верой в ленинский коммунизм или православие и не пережил мировоззренческих разочарований. Лишь у русской городской молодёжи есть

сейчас искра готовности поверить в новую историческую истину, в новый общественный идеал, а именно в идеал этнократического *национального общества*. Поэтому промышленные социальные отношения в России сейчас можно воспитать только у русской городской молодёжи и только при развитии у неё городских национальных общественных отношений, *переход к которым происходит через национальную социальную революцию*. Все национальные социальные революции, которые в прошлом происходили в других державах, так или иначе использовали народно-патриотическое сознание в качестве политической опоры при выстраивании национальной государственной власти. В этом смысле идеологии и цели политических сил, которые совершали национальные социальные революции в предыдущие столетия, были национал-патриотическими идеологиями и целями. Но русская молодёжь крупных городов уже полностью оторвалась от народно-патриотического сознания, она даже переболела национал-патриотическим сознанием, - в том числе идеологическим фашизмом и нацизмом, - и быстро отказывается от такого сознания.

Несколько последних лет, когда шло наращивание коммерческой эксплуатации России и появлялся рынок труда в обстоятельствах глобализации информационных потоков, в среде русской городской молодёжи происходили коренные изменения мировосприятия. Глобальные сети передачи информации, компьютерные игры породили в городах России многочисленные слои русских молодых людей, которые отчуждаются от выросшего из народно-патриотического мировоззрения индустриального национал-патриотического видения будущего человечества и от индустриальных фашистских и национал-социалистических общественно-политических идеалов. Современные информационные технологии и глобализация требуют предельно рационального мировосприятия и научно-методологических образования и подготовки большинства участников постиндустриальных производственных отношений, их нацеленности на победу в конкурентной борьбе на всех рынках сбыта постиндустриальных товаров. Осознающие это слои русской городской молодёжи заразились постиндустриальным видением будущего, и объединить их социальными производственными интересами и отношениями невозможно без совершенно нового, постиндустриального общественного идеала, обосновываемого постиндустриальным научно-методологическим мировоззрением. Поэтому русская национальная социальная революция в России станет возможной тогда, когда в стране начнётся политическое распространение нового мировоззрения, отталкивающегося от наивысшего уровня социальных отношений и научно-методологического воспитания, которые были достигнуты в Советской России на основаниях коммунистического мировоззрения.

То есть вопрос о том, как спасти геополитическое положение России, и о геополитическом будущем страны оказывается полностью зависящим от появления и быстрого распространения нового общественного социального мировоззрения, позволяющего ставить цель не просто перейти к постиндустриальному производственному развитию, а подняться до представлений о постиндустриальном постхристианском цивилизационном развитии. Опосредованно он оказывается зависящим и от численности русской городской молодёжи, заражённой постиндустриальным мировосприятием, не затронутой циничным разочарованием в коммунистическом мировоззрении и готовой быстро принять новое общественное социальное мировоззрение, как отталкивающееся от реформационного коммунистического мировоззрения. Для успеха русской национальной социальной революции надо, чтобы численность русской городской молодёжи выросла до определённого, *политически значимого уровня* относительно всего русского населения и произошло это прежде начала предельного обострения экономического и политического кризиса нынешнего режима диктатуры коммерческих интересов.

Иначе говоря, после раскрестьянивания русского народного сознания и уничтожения крестьянских общинных связей, в которых сохранялись традиции родоплеменных общественных отношений, восстановить промышленные социальные отношения в России и задать им направление постиндустриального развития можно только посредством нового

социального общественного мировоззрения, непосредственно обращённого к русскому этническому умозрению, к русскому этническому и государственническому самосознанию. А такое мировоззрение, отталкиваясь от коммунистического мировоззрения через его диалектическое отрицание, возвратит Россию к глобальному геополитическому и цивилизационному целеполаганию дальнейшего исторического существования.

В двадцатом веке три державы впервые в мировой истории выдвигали свои претензии на глобальное могущество. Кроме Советской России и США на это сделала заявку ещё и нацистская Германия. В основе каждой претензии лежало стремление захватить глобальное мировоззренческое пространство, которое при становлении глобального рынка товарно-денежного обмена оказывалось главным стратегическим пространством. Нацисты в Германии под влиянием русского коммунистического большевизма предприняли потуги разработать национал-социалистическое глобальное мировоззрение. И хотя немецким нацистам этого сделать не удалось, даже сама постановка такого вопроса и соответствующей задачи позволила им перейти к выстраиванию мировой политики, которая оказала значительное воздействие на ход глобальной истории. Советская Россия на эпохальные десятилетия достигла действительного глобального могущества на основе коммунистического мировоззрения, защищающего и продвигающего индустриальные интересы как таковые. Это могущество было несокрушимым, пока на Западе продолжалось раскрестьянивание и был приток крестьян на рынки труда индустриальных городов, превращение их в индустриальный пролетариат. Завершение раскрестьянивания в индустриальных державах Запада и в самой России привело к кризису всё коммунистическое мировое движение, подорвало доверие к идеалу коммунистического будущего человечества, как наследующему идеал христианского всечеловеческого будущего. Упадок влияния идейных коммунистических союзников на Западе ослаблял возможности России бороться в мировоззренческом стратегическом пространстве и в глобальном геополитическом пространстве. А идеологическая победа либералов в СССР, достигнутая ими во время Перестройки М.Горбачёва, и осуществлённая ими русская буржуазно-демократическая революция разрушили не только глобальное геополитическое могущество России, но едва не уничтожили самую Россию.

Единственной глобальной Сверхдержавой в конце 20 века предстали США. Это явилось следствием того, что в 60-70-е годы Советская Россия в «холодной войне» надорвала США, как национальное государство с общественным политическим самоуправлением. Чтобы выжить в качестве самостоятельного центра силы в мировой политике, Соединённым Штатам при президенте Картере пришлось уцепиться за либеральное мировоззрение, преобразовать его в основополагающее мировоззрение федеральной власти, на котором в последующие годы совершалось выстраивание надобщественного чиновно-полицейского управления, чиновно-полицейской внутренней и внешней политики данной страны. Именно превращение либерализма в господствующее мировоззрение внутри США позволило американским правящим кругам вести борьбу в мировоззренческом стратегическом пространстве во внешней политике, а в условиях кризиса коммунистического мировоззрения и роста влияния либералов в самой России на короткий исторический срок предстать единственной глобальной Сверхдержавой.

Однако либерализм является разрушительным для социальных и цивилизационных отношений мировоззрением, и в конечном итоге разлагает американское, англосаксонское в своей сути, национальное самосознание, подрывает американские англосаксонские социальные отношения, которые и создали современное промышленное и цивилизационное могущество США. Отныне американское товарное производство обречено терять способность создавать конкурентные на мировых рынках товары, что вскоре неизбежно надорвёт финансы, промышленные производительные силы данной страны и повлечёт её к хозяйственному и цивилизационному упадку. Хозяйственный и цивилизационный упадок США завершится упадком геополитическим, который вызовет опасные внутренние политические потрясения и, так или иначе, вынудит страну отказаться от господства

мировоззренческого либерализма. В ближайшей перспективе глобальное мировоззренческое стратегическое пространство окажется почти свободным, лишь частично занятым коммунистическим Китаем и субконтинентальными средневековыми религиями. Свободным окажется и связанное с индустриальными социально-производственными отношениями европейское субконтинентальное идеологическое пространство, поскольку в национальных обществах промышленно развитых стран Западной Европы появляются и множатся слои горожан, обслуживающих зарождающиеся постиндустриальные интересы, из-за чего эти слои отрываются от индустриальных интересов и индустриальных социалистических, социал-демократических, христианско-демократических идеологий.

В самом начале 21 века в мире складывается следующее положение вещей. Страна, в которой возникнет новое глобальное социальное, глобальное цивилизационное мировоззрение, дающее новый смысл исторического существования самым развитым и связанным с постиндустриальными интересами слоям горожан западных обществ, – эта страна захватит глобальное мировоззренческое стратегическое пространство. А через мировоззренческое стратегическое пространство она начнёт движение к глобальному геополитическому доминированию, а с ним и к доминированию в околосолнечном планетарном пространстве. В свою очередь, доминирование в околосолнечном космическом пространстве сделает её геополитическое положение на Земле несокрушимым на целую эпоху нового витка цивилизационного развития человечества. И основным претендентом на роль такой страны оказывается переживающая общегосударственный кризис Россия, в которой как раз и зарождается новое социальное цивилизационное мировоззрение, дающее возможность возродить концепцию Петра Великого, но уже применяя её к новым историческим задачам. А именно, к задачам достижения опережающего постиндустриального социально-цивилизационного и промышленного развития.

Таким образом, сейчас в России вызревает жизненная потребность в революционной социальной политике, которая невозможна без нового общественного социального мировоззрения, отвечающего эпохе постиндустриального развития. Мировоззренческий же уровень национальной социальной революции неизбежно превратит русскую национальную социальную политику в глобальную социальную геополитику.

В прошлой истории России главным противоречием стратегии опережающего промышленного и социального развития было то, что эта стратегия вынужденно противопоставлялась русскому народно-патриотическому обществу, народно-патриотическому общественному самосознанию, народно-патриотической общественной культуре русского населения. Её не принимали – и слои общинных земледельцев; и почти всё сословие священников православной церкви; и не связанные с городскими производственными интересами прослойки разночинской интеллигенции, в первую очередь гуманитарной интеллигенции; и значительная часть дворян-помещиков. При таком положении дел тем слоям русского государствообразующего этноса, которые осуществляли стратегию опережающего промышленного и социального развития, приходилось рассчитывать единственно на расширение использования чиновного и военного насилия, направленного против большинства остального русского населения, принуждать остальное русское население против его воли и собственных интересов обслуживать данную стратегию. Уже Петр Великий и его сторонники были вынуждены выступить против русской народной общественной власти, которая воплощалась во влиятельном Собрании народных сословных представителей, а затем и избавиться от Собрания и всех иных учреждений народно-представительной общественной власти, тем самым уничтожить условия для развития русской общественно-политической власти как таковой. Для проведения соответствующей государственной политики понадобилось чудовищно бюрократизировать самодержавную власть, довести её централизацию до предела и привлекать в учреждения исполнительной власти множества инородцев, чем в известной мере противопоставить её русскому народному обществу. Поэтому всякий подъём русского народно-патриотического общественного сознания и стремлений возродить соборную общественную власть всегда

оказывался направленным против стратегии опережающего промышленного и социального развития. Он расшатывал и ослаблял геополитическое положение Российской империи, вызывал в ней тяжелейшие, кровопролитные внутренние потрясения и ставил государство перед выбором. Либо сохранить мировое имперское могущество, либо восстановить народно-представительную общественную власть и разрушить империю, лишить Россию самостоятельного экономического и политического значения в мировых делах. Для возвращения же к стратегии опережающего промышленного и социального развития и спасения достижений империи приходилось вновь подавлять русскую народную общественную власть, народно-патриотическое, православное в своей основе сознание.

Но сейчас положение вещей в корне меняется. После завершения раскрестьянивания русской деревни и русского мировосприятия, после буржуазно-демократической революции 90-х годов 20-го века и при текущем режиме диктатуры выразителей крупных коммерческих интересов в России с каждым годом ускорялось и ускоряется отмирание у новых поколений русских горожан народно-патриотического самосознания как такового. Новые поколения русской городской молодёжи необратимо «обуржуазиваются», и впервые в истории России зарождаются предпосылки для того, чтобы срастить концептуальную стратегию опережающего промышленного и социального развития с русским общественным сознанием, с русской общественной властью. Конечно, не с народно-патриотической, соборной общественной властью, традиция которой отмирает вместе с отмиранием русского народа, а с национальной общественной властью, какой она начнёт складываться в ближайшем будущем. Сращивание концептуальной стратегии Петра Великого, стратегии опережающего промышленного и социального развития с русской общественной властью будет совершаться во время и в течение русской Национальной революции, дополненной самой передовой социальной революцией. После русской Национальной социальной революции, в эпоху Национальной Реформации станет возможным выстраивать национально-представительную общественную власть, как непосредственно опирающуюся на стратегию опережающего промышленного и социального развития и прямо заинтересованную во всяческой поддержке такой стратегии всем национальным духовным мировосприятием.

В предстоящую эпоху Национальной Реформации, эпоху становления русского национального общества, появится собственно русское государственное управление, которое позволит резко уменьшить значение чиновно-силовых учреждений, кратно сократить их численность и полностью подчинить их национально-представительной общественной власти и в центре и на местах. Иначе говоря, в эпоху Национальной Реформации концептуальная стратегия Петра Великого будет воплощаться русской общественной властью уже *без созданного Петром Великим чиновно-полицейского, чрезвычайно централизованного устройства государственной власти*. При этом геополитическое положение России не только не ослабеет, но наоборот, создадутся подлинно благодатные условия для его непрерывного и долгосрочного укрепления и усиления вследствие раскрепощения предприимчивой созидательной деятельности всех членов русского общества. Это общество уже само по себе будет нацелено на непрерывное научно-технологическое развитие производственной экономики и научно-методологическое обоснование постоянного совершенствования передовых социально-производственных отношений, необходимых, как для нового витка созидательного цивилизационного прогресса, так и для того, чтобы возглавить такой прогресс на всей планете и за её пределами.

Сентябрь-октябрь 1998 г., июль 2005 г.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

(статья на основе тезисов выступления на семинаре 15 февраля 2007 года, который проводила национал–демократическая партия в независимом пресс–центре)

Геополитика занимается исследованием взаимосвязи и взаимообусловленности государственной политики и географического положения страны. Она предполагает, что государственная политика зависит от географического положения страны, изменяется и подправляется географическим положением. Но и географическое положение страны зависит от государственной политики, изменяется ею, и вследствие таких изменений в свою очередь наполняет государственную политику новым содержанием. Если общая география для истории человеческой цивилизации является величиной постоянной, позволяет выстраивать устоявшиеся представления. То государственная политика есть величина переменная, с течением времени она изменяется и наполняется новыми историческими целями и задачами. Тем самым она изменяет и наполняет новыми историческими целями и задачами геополитику.

В современном толковании на Западе государственная политика – не только и не столько военная и дипломатическая политика, на которую делали упор классики концептуальной геополитики прошлого. Государственная политика в современном толковании это в первую очередь стратегическая экономическая и социальная политика, которая определяет военную силу и внешнее влияние государства в мире. Однако в России сейчас господствует устаревшее, военно–дипломатическое понимание государственной политики и геополитики, к тому же вульгарно и крайне упрощено видящее проблемы государственной власти, которые оно связывает исключительно с вопросами текущего управления. Такое положение вещей странно наблюдать в России, в которой были заложены основы современного толкования государственной политики, историческим опытом доказано их определяющее значение для достижения геополитического могущества страны.

Когда говорят о главных мировых геополитических школах, об основополагающих геополитических концепциях этих школ, то указывают исключительно на концепции англичанина Маккиндера, немцев Ратцеля и Хаусхофера, и на американца Мэхэна. То есть на тех теоретиков, кто разрабатывали пути и способы достижения их родными государствами стратегического мирового могущества посредством определённой и целенаправленной государственной политики, отталкиваясь от особенностей географического положения соответственно Англии, Германии и США. При этом забывается, что Россия три столетия являлась одной из ключевых мировых держав, и она начала движение к мировому могуществу вследствие исключительной деятельности царя Петра Великого. Вряд ли в мировой истории найдётся другая страна, на государственную политику которой такое всеохватное воздействие оказало концептуальное стратегическое мышление правителя, как это было в России в случае с Петром Великим. Особенностью его стратегического мышления являлось то, что он впервые в мировой истории напрямую связал государственную политику с целеустремлённым промышленным и социальным развитием, непрерывно осуществляемым государственной властью, и подчинил государственную власть задачам революционного изменения социальных отношений, общественного сознания и

даже народного мировоззрения ради ускоренного развития промышленного производства. В этом он увидел единственный способ воплощения в жизнь проекта выстраивания главной империи Евразии, проекта, который Московская Русь унаследовала от Византии. Поэтому Петра Великого по праву можно назвать первым геополитическим концептуалистом, чьё концептуальное мышление явилось настолько передовым, на сотни лет опередившим своё время, что только сейчас становится возможным оценить его по достоинству. Ибо только в возвращении к его геополитической концепции видится выход из того состояния катастрофического ослабления России, которое наблюдается почти два десятилетия после начала в 1989 году русской буржуазно–демократической революции.

1. СТРАТЕГИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

Каково же географическое положение России? И какая государственная политика превратила Россию в великую евразийскую и мировую державу?

Государство Московская Русь появилось на протяжённых восточных равнинах Европы. А в 16 веке завоевание Ермаком сибирского ханства привело к тому, что Московская Русь стремительно расширилась в восточном направлении до дальневосточных берегов на Тихом океане. Страна раскинулась на огромных пространствах севера Евразии, везде в местах с очень тяжёлыми природно–климатическими условиями, сложными для существования человека и для развития хозяйственной жизни. Ни одна цивилизация Древнего Мира даже близко не подступила к освоению территорий, вошедших в состав молодого московского государства. Это государство оказалось расположенным между Западной Европой, которая успешно осваивала достижения Римской цивилизации, между Оттоманской империей, которая паразитировала на материальных достижениях Византийской цивилизации, между воинственными степными племенами на юге и великой древней цивилизацией Китая на Востоке. То есть, все соседи Московской Руси были в корне чужды ей цивилизационным или не цивилизационным мировосприятием, отличались иными религиозными традициями, а все вместе многократно превосходили её материальными, военными и людскими возможностями. Чтобы выжить в таком окружении, Московская Русь должна была найти способ *стратегического* противостояния каждому из соседних противников и в случае необходимости всем им вместе. Она должна была или *на столетия* стать самой могущественной державой в Евразии, то есть мировой державой с собственным цивилизационным стержнем, или, рано или поздно, быть раздавленной сопредельными державами с иными и разными духовными традициями, в лучшем случае оказаться их колонией, сырьевым придатком. Этими обстоятельствами определялся напряжённый поиск Московской Русью своей государственной политики. Его подхлестнули и ускорили события Великой Смуты, которые без малого через четыре столетия после татаро–монгольского нашествия вновь показали всю уязвимость её географического положения.

Превращение России в великую мировую державу началось при Петре Великом и стало прямым следствием его целенаправленных революционных Преобразований. Именно при нём на месте Московской Руси зародилась Российская империя. Если до этого Московская Русь лишь унаследовала духовную традицию православной Византийской империи, как цезарианской самодержавной империи, то при Петре Великом данная традиция начала воплощаться в действительность. Однако для того, чтобы Московская Русь начала превращаться в Российскую империю, пришлось отказаться от видения империи, как православного Третьего Рима. Идея православного Третьего Рима подверглась Петром Великим существенной переработке, которая сблизила её с подлинными проблемами и противоречиями, в которых жила и боролась за выживание государственность Московской Руси. Стремясь любой ценой укрепить и усилить государство, Пётр Великий отказался от

проекта православной империи ради проекта *рациональной* империи, которая опирается на православное имперское мировоззрение русского народа. Иначе говоря, он сделал идею выстраивания имперского пространства собственно русской идеей, в значительной мере оторвав её от Византийского первоисточника.

Царь Пётр Первый родился и воспитывался в обстоятельствах последней трети XVII века, когда особенно явно проявилась растущая экономическая, организационная и военная мощь тех стран средней и северной полосы Европы, которые пережили протестантские революции и последующие Реформации католического вероучения. Тогда же становилось понятным, что мощь данных стран основывалась на преобразовании земледельческого христианского вероучения в буржуазное вероучение, которое на религиозном уровне защитило интересы хозяйственной буржуазии – слоёв имущественных горожан, связанных с развитием городского производства. Протестантская Реформация способствовала воспитанию у городской буржуазии культуры религиозно–политического самосознания и религиозно–политического взаимодействия ради успеха борьбы за отвечающее её коренным интересам влияние на государственные отношения. Благодаря протестантской Реформации буржуазия добилась кодификации прав и обязанностей всех, кто вовлечён в государственные отношения, и узаконивания представительного самоуправления, как составной части государственных отношений. А в Нидерландах и в Англии, в которых получил распространение радикальный кальвинизм, Реформация подготовила первые буржуазные революции. В этих двух странах буржуазия добилась конституционных государственных отношений и появления конституционных монархий, то есть феодальных монархий ограниченных буржуазной конституцией.

Под воздействием столь серьёзных идеологических и политических изменений, в протестантских странах с течением времени стали быстро развиваться капиталистическое товарное производство и естественнонаучная и изобретательская деятельность, направленная на появление новых видов товаров, в том числе оружия. В протестантских государствах возрастала техническая оснащённость экономики и военных сил, которая позволила им начать завоевательную экспансию на разных континентах. Московская Русь одной из первых испытала давление растущей силы протестантских соседей, главным образом со стороны Швеции. Ибо Швеция захватила во времена Великой смуты исконные русские земли, укреплялась на них и в Прибалтике, тем самым протяжёнными границами на северо–западе отрезала для Московской Руси все выходы к Балтийскому морю, к широкой и прибыльной торговле с северной Европой. Москва воспринимала такой поворот судьбы очень болезненно, – само историческое самосознание Руси начиналось с Новгорода и торгового пути «из варяг в греки», пути из Балтики в византийское Черное море. Хозяйничая на Балтике, Швеция обогащалась и крепла, а Московская Русь неуклонно слабела, что начинало угрожать самому существованию московского государства. В таких обстоятельствах в Москве со времени появления плана глубоких реформ, разработанных боярином А. Ордин–Нащокиным и поддержанных царём Алексеем Михайловичем Тишайшим, вызревало понимание жизненной необходимости перехода к новой долгосрочной исторической стратегии, целью которой стало бы ускоренное промышленное и военно–техническое, военно–организационное развитие. Однако для поворота к такой стратегии возникло серьёзное препятствие. Для её успеха надо было сначала дать толчок развитию передового городского образа жизни, передовой городской производственной и естественнонаучной культуры, которая неизбежно вступала в противоречие с православной земледельческой духовностью и культурой русского народа.

Русский народ сложился после Великой Смуты на основе православного религиозного мировоззрения и сам по себе был чужд задачам городского промышленного развития, ибо таким задачам было чуждо само православное мировоззрение, была чужда сама православная церковь. Идеалом православных государственных и общественных отношений были государственные и общественные отношения библейского Израиля. С царём и кастой священников наверху и земледельческими общинами внизу, объединёнными в еврейский

народ моральными и этическими заповедями Моисея и патернализмом царской власти. При установившемся в Московской Руси полном господстве библейских по духу земледельческих государственных отношений развитие городской культуры и городского производства могла обеспечить только самодержавная власть, сверху осуществляя необходимые реформы мировоззрения, если не всего народа, то, по крайней мере, управляющего дворянского сословия. Пётр Великий и задал стратегическое целеполагание, которое оправдало такие реформы мировоззрения служилого дворянского сословия. А именно *стратегическую цель достижения опережающего военно–промышленного развития относительно всех других держав Евразии*. Только в таком стратегическом курсе он увидел не только спасение московского государства от давления сопредельных протестантских держав, но и победу над ними, а затем становление Российской империи в виде могущественной империи Евразии.

Для воплощения столь революционного целеполагания сначала понадобилось привлечь на службу русского самодержавия множество представителей протестантских стран, с их помощью произвести начальные Преобразования в устройстве вооружённых сил, в государственном управлении, в хозяйственной деятельности, в отношениях между властью и населением. А затем, на основаниях видимых и осязаемых достижений в усилении военного и экономического, финансового положения страны приняться за коренное изменение сознания русского дворянства. Именно это Пётр Великий и делал, наглядно подавая всем личный пример в умении учиться, трудиться на производстве и изменяться ради усиления государства. Поскольку в его время главными путями торговли и перемещения военных сил являлись морские пути, постольку для государственного могущества сухопутной по мировосприятию и прошлым традициям страны необходимо было приложить особые усилия для ускоренного развития кораблестроения и промышленного производства, которое было связано с кораблестроением. И Пётр Великий осуществил невозможное, немыслимое, внёс в русское мировосприятие новое, морское пространство, что подчёркивалось и укоренялось переносом столицы в новый город Санкт–Петербург. Ш. Монтескье отметил это, написав, что в мировой истории только одному государю удалось за свою жизнь создать с нуля могущественный военный и торговый флот, научить свой народ корабельному и морскому делу, и что пример данного государя является и останется неповторимым исключением.

После смерти Петра Великого в Российской империи господствующее влияние на государственную власть перешло к принятым на службу лютеранским протестантам, главным образом прибалтийским немцам. С ними был связан окончательный поворот к становлению европейского городского образа жизни и городской культуры Российской империи. Чтобы вернуть себе государственную власть, русским служилым дворянам пришлось учиться быть ещё более рациональными управленцами, чем немецкие лютеране. Изменение их сознания оказывалось настолько основательным, что в конечном итоге они за время жизни одного поколения превратились из православных христиан не столько даже в атеистов, сколько в практических материалистов. Ломоносов придал практическому материализму русского служилого дворянства диалектическое содержание, и диалектический материализм мировосприятия русского дворянства, постепенно развиваясь от поколения к поколению, стал его характерной и отличительной чертой не только в Европе, но и во всём мире. Именно диалектическим материализмом проникнута та культура, которая создавалась русскими дворянами и оказывалась господствующей в городах России русской культурой.

На основе столь серьёзных изменений сознания служилого, осуществляющего управление страной русского дворянства происходил очень быстрый рост промышленного, военного и торгового могущества Российской империи. Уже во второй половине XVIII века Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна, стали, некоторых других металлов, по изготовлению пушек и иных видов оружия. Она превращалась в самую крупную и самую мощную державу Евразии, которая начала наращивать давление даже на соседние лютеранские государства, подчинять их своей государственной политике. Однако

столь изумительные успехи были достигнуты за счёт быстрого развития предельно рационального феодально–бюрократического регламентирования всех сторон жизни страны. Такое регламентирование позволило наладить действенное использование дешёвого по добыче и переработке сырья и эксплуатацию труда прикреплённых к промышленным предприятиям русских крестьян, которые постепенно приобретали навыки крепостных рабочих, живущих за гроши с помощью дворового хозяйства.

2. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Промышленная революция в капиталистической Англии в корне изменила промышленные производительные силы и производственные отношения. Паровой двигатель и станки позволяли многократно повышать производительность труда, а капиталистический рынок труда вынуждал наёмных рабочих и служащих постоянно улучшать личную квалификацию, технические знания, чтобы уметь обслуживать новую технику. Россия с её малопродуктивным трудом крепостных рабочих, никак не заинтересованных в совершенствовании труда и технического обеспечения труда, не смогла больше удерживать завоёванные позиции. Во время наполеоновских войн Англия быстро обошла Россию в промышленном производстве и на основе наёмного труда и капиталистического хозяйствования начала эпоху индустриализации, которая в корне меняла расстановку сил в Евразии и в мире в целом. После победы над Наполеоном I крепостническая Россия при внешнем величии роли главного европейского жандарма, стержня Священного Союза, десятилетие за десятилетием отставала в развитии промышленного производства от западноевропейских держав и США. И в середине XIX века, в Крымской войне потерпела первое со времён Петра Великого сокрушительное военное и политическое поражение. Прямым следствием такого поражения было унижительное согласие не иметь на Чёрном море свой военный флот, а значит отказаться от собственной политики в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, и потеря огромной Аляски в Северной Америке. Опасность очутиться на вторых ролях в мировых делах и стать объектом чужих интересов, не способным сохранять целостность европейских и азиатских территорий, вынудила молодого царя Александра Второго начать *сверху* отмену крепостного права и осуществить либеральные городские реформы, призванные повернуть страну к становлению рынка наёмного труда и индустриального капитализма.

Однако сами по себе либеральные городские реформы не привели Россию к ускоренному индустриальному развитию. Опережающее остальные державы мира индустриальное развитие разворачивалось в США и в объединённой Бисмарком Пруссии. Именно США и Германия быстро приобретали индустриальное и военно–техническое могущество. Когда Германия в 1871 году нанесла сокрушительное поражение Франции Наполеона III, у её правящих кругов появились амбиции превратить германское государство в главную державу европейского континента. Эти амбиции обосновала геополитическая концепция Ратцеля, концепция особой способности великих народов к расширению пространств исторических деяний. Под её влиянием в Германии складывалось убеждение, что новое расширение исторического географического пространства для немцев возможно в основном за счёт слабеющей России. Над Россией вновь, как и накануне Преобразований Петра Великого, нависла исходящая из западной Европы угроза потери исторической самостоятельности, стратегической перспективы и значительных и наиболее развитых территорий.

Главным препятствием для ускоренного индустриального развития России опять оказывалось православное земледельческое мировоззрение и общинное землепользование податного сословия, в первую очередь русского крестьянства. Русское крестьянство не

воспринимало культуру городской жизни, городского производства, городского рынка труда и городского капитализма, оно испытывало к городу и горожанам неприязнь и отчуждение. Единственным примиряющим с городом авторитетом для крестьян оставалось царское самодержавие. Но для поддержания этого авторитета требовалось, чтобы царское самодержавие показывало свой библейский патернализм, что противоречило целям и задачам рыночных реформ. Для страны, в которой наибольшее влияние имели дворяне и служилое казачество, а подавляющим большинством населения являлись именно крестьяне, и у крестьян была наивысшая рождаемость, такое положение вещей становилось главной угрозой для будущего государства. Надо было срочно искать путь ускоренного раскрестьянивания русского народа и его мировоззрения. Без этого нельзя было перейти к ускоренному индустриальному развитию.

В таких обстоятельствах часть представителей революционных кругов дворянской молодёжи охотно восприняли марксизм и философию диалектического материализма Ф. Энгельса. В Германии диалектический материализм был кабинетным течением мысли и не больше того. Немцы тяготели к кантианству, которое развивало традиции городского лютеранства, приспособляло их к эпохе рациональной индустриализации. Но в России для распространения философии диалектического материализма была создана благодатная почва, ибо передовое русское дворянство уже выработало в себе диалектическое материалистическое мировосприятие и на его основе разработало самостоятельную городскую культуру. Одними из представителей революционной дворянской молодёжи были Г. Плеханов и В. Ульянов–Ленин, и они на основаниях марксизма и философского диалектического материализма Энгельса принялись разрабатывать новое, индустриальное мировоззрение русского народа, которое должно было вырвать русский народ из влияния православного земледельческого мировоззрения. Иначе говоря, они стали разрабатывать мировоззрение для осуществления русской протестантской Реформации православного мировоззрения, Реформации в эпоху наступления естественнонаучного образования, естественнонаучных знаний, жизненно необходимых для участников индустриальных производственных отношений. Ульянов–Ленин завершил создание нового мировоззрения, которое он назвал коммунистическим. И он же принялся за выработку политической стратегии, которая должна была повернуть Россию на путь индустриальной коммунистической Реформации и ускоренной индустриализации.

Иначе говоря, Ленин возвращал Россию к стратегии опережающего промышленного развития, которую заложил в основание русской великодержавной государственности Пётр Великий. Но Пётр Великий закладывал *стратегию опережающего промышленного развития России относительно других держав Евразии. А Ленин придал этой стратегии глобальный размах. Он поставил цель превзойти в индустриальном развитии весь мир, через победу в таком развитии над капиталистическими державами Запада добиться становления глобальной, общечеловеческой коммунистической империи.* Для осуществления такой стратегии в условиях XX века Ленин внёс представления о необходимости завоевания глобального научно–методологического мировоззренческого пространства и мирового воздушного пространства.

После Великой социалистической революции, которую осуществили вооружённые реформационным ленинским мировоззрением большевики, в советской России были созданы политические условия для подготовки ускоренной индустриализации. Большевики восстановили традиционное имперское феодально–бюрократическое регламентирование и принялись возвращать осуществляющий его слой управленческой номенклатуры, как прямой наследницы русского служилого дворянства. Но советское феодально–бюрократическое регламентирование приспособлялось к новым историческим обстоятельствам, коренным образом совершенствовалось под цели и задачи всеохватного повременного планирования промышленного и социального развития.

Ускоренная индустриализация страны разворачивалась с первых пятилеток, и быстро изменила саму Россию и весь мир. С 20–х годов в Италии, а в 30–х годах в Германии и в

США, затем и в других странах стали перенимать опыт России в наполнении государственной политики стратегией промышленного и социального развития для усиления геополитического положения государства, и такая тенденция оказалась главной в последующие десятилетия XX века. Под влиянием достижений ускоренной индустриализации и реформации мировоззрения русского народа Россия вновь утвердилась в качестве могущественной, уже не мировой, а глобальной державы. После Второй мировой войны, из которой Россия вышла главной победительницей, мир стал двух полярным, и одним из полярных центров предстала именно Россия.

3. ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ТУПИК РОССИИ

В 50–е годы XX века в России появилось целое поколение рождённой и воспитанной в городе русской молодёжи, чьи родители хлынули из деревни на индустриальное производство в годы первых советских пятилеток. У этого второго поколения русских горожан разрывалась непосредственная связь с деревенскими традициями общинного народно–патриотического мировосприятия, свойственная их родителям. А под воздействием естественнонаучного и коммунистического по методологическим основам и мировоззрению среднего и высшего образования они отрывались от религиозно–православного мировоззрения. Они становились квалифицированными специалистами, а, отчуждаясь от крестьянства и от пролетариата, бесповоротно теряли веру и в православие и в коммунизм. Тому же способствовало поддерживаемое государственной властью ради ускоренной индустриализации всеохватное развитие советской науки, которое превращало Россию в страну с огромной численностью учёных, инженеров, конструкторов передовой военной и гражданской техники. Направляемая стратегией опережающего промышленного развития, Советская Россия вышла на передовые рубежи научно–технологической революции, стала одной из родоначальниц такой революции. Однако коммунистический режим оставался верным представлениям о диктатуре пролетариата, как принципе кадровой политики при выстраивании учреждений власти, опирался только на новые волны переселяющихся из деревни в город крестьян, на их пролетарские интересы первого поколения участников городских производственных отношений. Его правящие круги не позволяли образованной русской городской молодёжи создавать собственное философское и идейное видение своих особых, отличающихся от пролетарских интересов, своего положения в государственных отношениях, разрабатывать собственный идеал общественных отношений. И русская городская молодёжь оказывалась в идейной и мировоззренческой пустоте. Эта пустота заполнялась тем, что данной части молодёжи было понятнее и ближе, а именно мифами западного образа жизни, западных буржуазных свобод выбора и высоких потребительских запросов. Такие мифы поддерживались западной музыкой, западными кинофильмами, западной литературой и рассказами тех, кому удавалось выезжать в капиталистические страны.

В основном русской городской молодёжью была сразу же поддержана критика сталинизма и «политика оттепели», которую объявил новый руководитель страны С. Хрущёв. В 60–е годы численность такой молодёжи непрерывно возрастала, а поток крестьян из русской деревни стал ослабевать, указывая на приближение завершения раскрестьянивания русского государствообразующего этноса и его сознания. С этого времени представители рождённой в городе русской молодёжи постепенно вытесняли старшие поколения из культуры, из средств массовой информации, из учреждений обслуживания власти, начиная расшатывать идеологические основания коммунистического режима диктатуры пролетариата изнутри режима. Обнажающийся мировоззренческий кризис русского сознания вызвал волну подъёма культуры «деревенщиков», с одной

стороны, и сторонников идеализированного буржуазного либерализма, с другой стороны. «Деревенщики» подняли тревогу о распаде и гибели самих традиций русского народно–земледельческого патриотизма, о начале разложения в среде русских горожан народной общественной и семейной этики и морали. Но их тревога носила на себе печать ностальгии о невозвратном прошлом, и они призывали к реакционной консервации того, что не соответствовало образу жизни городской молодёжи и стратегии опережающего промышленного развития, самой действительности, в которой жила страна. Сторонники же идеализированного буржуазного либерализма призывали к коренным политическим реформам ради обновления страны, то есть призывали идти вперёд, к «коммунизму с человеческим лицом», к правам человека и широким свободам выбора.

В 70–е годы в крупных русских городах вступало в жизнь поколение городской молодёжи, чьи деды начинали индустриализацию в годы первых пятилеток, а отцы поддерживали «хрущёвскую оттепель». Это поколение полностью теряло духовную связь с традициями русского народного общественного патриотизма, с русской народной культурой, видело в такой культуре туземную экзотику далёкого прошлого России. У данного поколения завершалось разложение народно–патриотической, христианской в своей основе этики и морали, и большинство его представителей превращались в эгоистичных индивидуалистов. Идеализированный буржуазный либерализм, призывы к потребительскому паразитизму приобретали в его среде множество сторонников. В то же время стало очевидным завершение эпохи раскрестьянивания русской деревни: приток русской деревенской молодёжи в города резко сокращался, росло число деревень, в которых оставались одни старики. С сокращением притока русской деревенской молодёжи на индустриальные производства обнажилась проблема экстенсивного характера советской индустриализации, которая основывалась на непрерывном создании всё новых городов и предприятий с низкой культурой и производительностью труда, – темпы роста производства в стране с каждым годом неуклонно падали. Экстенсивный характер индустриализации стал главным препятствием для продолжения стратегии опережающего промышленного развития. Вторым препятствием явилось начало информационно–технологической революции, следствием которой был обусловленный наличием рынка труда исторический поворот западных промышленных держав от индустриального способа производства к качественно новому, информационно–технологическому, постиндустриальному производству. Постиндустриальные производительные силы обеспечивали качественный скачок в производительности труда, в увеличении производства и вытесняли из производственных отношений не только пролетариат, но и рабочий класс. Так коммунистический режим с его принципом «диктатуры пролетариата», с доктринальным регламентированием труда и терял социальную среду своей поддержки, и предстал в новых обстоятельствах препятствием для стратегии опережающего промышленного развития.

Отражением непреодолимого кризиса коммунистического режима стало программное выступление М. Горбачёва в 1985 году, на том апрельском пленуме, на котором он был избран генеральным секретарём ЦК КПСС. Горбачёв сделал ключевое заявление: если к 2000 году не произойдёт удвоение производства, Советский Союз не выдержит давления внутренних и внешних противоречий. Иначе говоря, он подписывал приговор коммунистическому режиму на основаниях того положения, что заложенная Петром Великим геополитическая концептуальная стратегия опережающего промышленного и социального развития является более важной для государственной политики, чем сохранение не способного продолжать её режима власти. Опираясь на требование подчинить партийную политику стратегии опережающего промышленного развития, он получил моральное преимущество, которое позволило ему, несмотря на огромное противодействие партийных чиновников, провозгласить коренные рыночные реформы и политические свободы выбора. Смыслом реформ политики Перестройки стала цель – увеличить производительность труда за счёт резкого усиления значения человеческого фактора, тем самым произвести переворот в промышленном и сельскохозяйственном производстве отказом от экстенсивного труда

ради расширения использующего информационные технологии интенсивного труда.

Для перехода к интенсивному развитию, немыслимому без широких свобод выбора и без становления рынка труда, надо было отречься от средневековой традиции феодально–бюрократического регламентирования всех сторон жизни населения страны, постепенно вытеснять и заменять её представительным политическим самоуправлением. В этом заключалась суть политики реформ Горбачёва, названной Перестройкой. Однако в условиях кризиса православного и коммунистического мировоззрений, в условиях мировоззренческого вакуума в сознании русских городских среднем поколении и поколении молодёжи влияние в их среде стали набирать гуманитарные идеалисты либералы, которые воспользовались политикой Перестройки для расширения своей пропаганды полных, абсолютных свобод выбора и ничем не сдерживаемого потребительского индивидуализма. Малочисленные либералы поставили цель, вытеснить коммунистов из руководства собраний зарождающегося представительного самоуправления посредством оголтелой и безответственной критики той государственной политики, которую под давлением обстоятельств семь десятилетий проводила коммунистическая партия для ускоренной индустриализации страны и её раскрестьянивания. Именно в среде переживающих мировоззренческий кризис и кризис общественного сознания русских горожан пропаганда либералов нашла наибольший отклик, благодаря чему либералы перехватили политическую инициативу и принялись за разрушение всего советского государственного устройства власти. Либералов поддержали потерявшая мировоззренческий стержень и чуждая интересам промышленного производства гуманитарная интеллигенция, циничная комсомольская номенклатура, которая осознала, что наступили времена воровского расхищения советской государственной собственности и личного обогащения, и все вместе они подтолкнули Россию к русской буржуазно–демократической революции. Ни либералов, ни гуманитарную интеллигенцию, ни комсомольскую номенклатуру не интересовала стратегия опережающего промышленного развития, и по мере роста их политического влияния и проникновения к рычагам представительной власти в стране происходил полный отказ от геополитической концепции Петра Великого.

При буржуазных революциях, которые совершались в других странах, одновременно с распадом прежней, феодально–бюрократической государственной власти начинался распад производства, и в первую очередь наиболее сложного, промышленного производства. То же стало происходить и в России. Следствием явилось беспрецедентное в истории крушение всего русского имперского геополитического пространства, которое держалось на промышленном производстве. Сначала катастрофически быстро распался мировой коммунистический блок и Варшавский договор, затем Советский Союз, и возникла прямая угроза распада самой России. Угроза распада России непрерывно возрастала по мере усиления политического положения либералов, захвата ими контроля над учреждениями исполнительной власти, которые заново создавались представительными собраниями для решения текущих задач управления в обстоятельствах революционного уничтожения советских учреждений управления. Прорыв либералов к ключевым должностям новых учреждений исполнительной власти объяснялся просто. Оказалось, либерализм отвечал коренным интересам асоциальных прослоек населения страны, в первую очередь тех их представителей, кто в условиях хаоса начал разворовывать бывшую советскую государственную собственность и грабить подчиняющееся социальным нормам поведения русское население, делать состояния на всевозможных посреднических сделках, на коммерческой спекуляции финансами и товарами. Поскольку исполнительная власть без связей с новоявленными хозяевами жизни и рыночных обменных отношений теряла почву под ногами, не могла воздействовать на рыночный товарно–денежный обмен, постольку в исполнительную власть выдвигались те, кто легко находил взаимопонимание с ворами приватизаторами, с разбойными, преступными сообществами и коммерческими спекулянтами.

Связь между либералами и новоявленными скоробогатеями стала неразрывной после кровавого политического переворота 3–4 октября 1993 года, когда установился режим

диктатуры либерального и коммерческого космополитизма. Этот режим принялся быстро расширять, усиливать учреждения исполнительной власти на основе понятной чиновникам и представителям силовых подразделений традиции феодально–бюрократического управления. Такое управление исторически возникло из задач защиты господствующих имущественных классов от остального населения. Поэтому его возрождение поддержал весь слой воровских и спекулятивно–коммерческих собственников. Поддержал однако при том условии, что учреждения исполнительной власти не только не будут мешать дальнейшему разворовыванию бывшей советской государственной собственности и всевозможной спекуляции, но и создадут самые благоприятные условия для придания огромного размаха и обеспечения полной безнаказанности такой асоциальной деятельности.

Политика режима либерального коммерческого космополитизма нанесла сокрушительный удар по промышленному производству в России и связанным с ним средним и высшим учебным заведениям, по общему образованию, по естественной науке и изобретательской деятельности, по социальной и производственной инфраструктуре, по военной обороне и здравоохранению. Она оказалась чужда интересам промышленного производства и государства. Показательно, что ставленник либералов, президент Ельцин, создавал несколько комиссий по выработке «национальной идеи», «национальной стратегии», но ни одна из них даже не подняла вопрос о стратегии опережающего промышленного развития. Ибо промышленное развитие тесно связано с социальным развитием и им обусловлено, а либерализм провозглашал права человека, как космополитические, не связанные ни с какими социальными обязательствами, ни с какими социальными отношениями, ни с какой социальной этикой и моралью. При всех бесконечных разговорах о российской геополитике и Петре Великом, которые стали модными при данном режиме, никто не упоминал о концепции Петра Великого: ни о ней самой, ни об её геополитическом значении для России. Не удивительно, что никакой национальной идеи, никакой национальной стратегии так и не было предложено. Россия очутилась в концептуальном тупике. Над страной год за годом сгущались мрачные предчувствия приближения распада, конца её державной истории.

4. ПЕРЕХОДНЫЙ РЕЖИМ ЧИНОВНО–ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

После дефолта в августе 1998 года проводить политику либерального космополитизма стало невозможно. Самые ценные объекты советской государственной собственности и кредитные финансы были в основном расхищены, и за их обладание нарастала борьба, так называемая борьба за передел собственности, которая приобретала характер разбойничьих войн всех против всех. А среди подавляющего большинства населения росло разочарование в либерализме и в политике либеральных реформ, и оно переросло в открытые выступления протеста под флагами народного патриотизма. Но в России уже появился *крупный* спекулятивно–коммерческий капитал. Его накопили самые асоциальные группировки с преступными связями, имеющие непосредственный выход на правительственную бюрократию и местные власти, группировки, которые не брезговали ничем для обогащения. Войны за передел собственности, дефолт и подъём народно–патриотических настроений протеста против основ режима напугали владельцев такого капитала и коррумпированных высокопоставленных чиновников, вынудили их объединяться и менять представления о способах дальнейшего роста частных капиталов и личных состояний. Они приходили к выводу, что необходимо перенести упор с расхищения бывшей советской собственности и финансов на расширение коммерческой эксплуатации страны и её населения, чтобы такая эксплуатация превратилась в главное средство дальнейшего роста капиталов и состояний. Подталкиваемый и поддержанный ими ползучий конституционный

переворот к 2001 году преобразовал режим диктатуры либеральных коммерческих интересов в режим диктатуры крупного коммерческого капитала, тесно связанного с правительственной бюрократией. Изменение режима происходило за счёт резкого усиления феодально–бюрократического регламентирования, которое достигалось посредством повышения роли и значения силовых учреждений власти и чиновно–олигархических партий власти, и отказа от принципиальной идеологии либерализма ради беспринципной и невнятной, цинично определяемой текущими обстоятельствами идеологической смеси либерализма и народного патриотизма.

Переход к политике наращивания коммерческой эксплуатации страны и населения крупным спекулятивным и воровским капиталом запускать рынок труда и оживлял то производство, которое было способно без инвестиционных затрат выпускать потребительские товары для внутреннего и внешнего рынка. Он давал надежды на некоторое улучшение жизни доведённого до грани нищеты большинства связанного с производством городского населения и поэтому получил значительную поддержку снизу. Частично смягчая внутренние политические противоречия, он на время снимал вопрос о сущностном кризисе режима господства спекулятивно–коммерческих интересов. Однако, в действительности, переживающее упадок производство восстанавливалось не везде и лишь теми, кто становились владельцами предприятий не ради производства, а для получения коммерческой сверхприбыли. Захваченное или купленное выразителями крупных коммерческих интересов производство акционировалось, для налаживания его работы нанимались управленцы, и, если управление оказывалось удачным и начинался выпуск товарной продукции, возникали две возможности. Либо новоявленные хозяева занимались посредническим сбытом товарной продукции, заставляя производственное оборудование, наёмных работников работать на износ, увеличивая свою сиюминутную коммерческую прибыль отказом заботиться о социальной, производственной инфраструктуре. Либо они пользовались быстрым ростом цены активов, земли, на которой находилось предприятие, и продавали их новым хозяевам, часто иностранцам, наживаясь на перепродаже, сознавая, что предприятие могли просто снести ради земельного участка или уничтожения с целью ослабления военного производства в России, то есть подрыва геополитического положения страны. Для запуска производства в коммерческий оборот, для увеличения цены активов надо было, чтобы центральная чиновно–полицейская власть усиливалась и упорядочивала рыночные отношения. Поэтому выразители крупного спекулятивно–коммерческого капитала соглашались с определёнными мерами правительства, которые укрепляли центральную власть, давали ей необходимые для такого укрепления доходы. Они поневоле смирялись с упорядочением бюджета правительства, налогового и юридического администрирования, сбора пошлин и контроля над перемещением товаров.

Вследствие усиления феодально–бюрократического регламентирования стало возможным использовать опыт организационной деятельности советских отраслевых министерств, ведомств и объединять созданные в советское время предприятия по добыче, первичной переработке и транспортировке сырья в крупные отраслевые монополии. Эти монополии напрямую выходили на внешние рынки сбыта и получения валюты, превращались в единственный источник устойчивого получения валюты, а потому приобретали огромное самостоятельное влияние на правительство. Монополии не допускали внутри подконтрольной им части экономики никакого денежно–кредитного регулирования и либерального монетаризма, а потому смогли налаживать восстановление добычи ценного на внешних рынках сырья, средств его транспортировки, возрождать производственную деятельность на предприятиях первичной переработки сырья, в металлургии, в химическом производстве. Вследствие монополизации ВПК возростали и межправительственные заказы на изготовление военной техники.

С налаживанием деятельности монополий был запущен рост их активов на фондовом рынке, что привлекло в активы монополий значительный мировой спекулятивный капитал, вырвало фондовый рынок России из жалкого состояния и многолетней стагнации. Под

воздействием существенных изменений в экономической политике, отказа от догм либерального монетаризма, год за годом быстро возрастали внутренние и внешние торговые обороты, а с ними увеличивался сбор налогов и пошлин. Казна правительства и резервы центрального банка стали наполняться, что позволяло расширять чиновно–полицейские учреждения власти, завлекать в них специалистов, деятельных управленцев, ставить под контроль чиновников центральные и местные СМИ. Ключевое значение центральных учреждений власти для наращивания коммерческой эксплуатации страны и трудовых навыков населения, для роста коммерческих капиталов и олигархических состояний доказывалось столь наглядно, у правительства накапливались такие большие доходы, что центральная исполнительная власть стала всё откровеннее проявлять собственное, чиновно–полицейское видение целей политики. Увлекаясь представлениями о правительственном олигархическом капитализме и стремлениями к собственному корпоративному контролю над самой крупной посреднической коммерческой прибылью, она принялась скупать или насильно, с помощью прокуратуры и силовых ведомств изымать самые доходные сырьевые отрасли, в основном, связанные с торговлей углеводородами, как у частных, так и иностранных владельцев. В связи с этим наметился опережающий рост состояний семей чиновников высшего и среднего звена исполнительной власти.

Для защиты доходов, от которых зависела устойчивость чиновно–полицейской власти, положение российских чиновников в стране и в мире; и для экспансии монопольного коммерческого капитала в богатые ценным сырьём страны – понадобилось заняться усилением и военно–техническим оснащением армии, доведённой за предшествующее десятилетие до жалкого состояния. В 2002 году президент Путин заявил, что геополитическое отступление России закончилось. Но оказалось, что для действительного прекращения геополитического отступления надо спасать промышленное производство от окончательного краха. Поскольку крупные коммерческие спекулянты не интересовались развитием промышленного, в том числе военного производства, постольку этим пришлось заняться чиновникам правительства. Правительство режима принялось спасать влияющее на геополитическое положение страны промышленное производство мерами всевозможного регламентирования, правительственными заказами. Поэтому собственно промышленное производство в России стало восстанавливаться не на основе рыночной конкуренции, не из-за внутренних побудительных мотивов капиталистических собственников, а вопреки коренным спекулятивно–коммерческим интересам господствующего имущественного слоя, слоя федеральных и местных олигархов, основной массы коррумпированных чиновников. Так между верхами чиновно–полицейской власти режима и всем слоем крупных коммерческих собственников стали накапливаться серьёзные противоречия. Временным разрешением таких противоречий, к которому стремились обе стороны ради общего сохранения основ режима, было предложение кремлёвских чиновников использовать правительственные доходы от стремительного роста цен на энергоносители для налаживания «партнёрства государства и частных собственников». Однако это партнёрство крупные коммерческие спекулянты сразу превратили в новую кормушку, обогащающую их самих и коррумпированных чиновников. Следствием такого положения вещей является то, что при огромном притоке в страну нефтедолларов и газодолларов рост промышленного производства с 2000 года в годовом исчислении составляет 4–5%. И почти весь этот рост вызван увеличением правительственных заказов. За счёт этих заказов восстанавливаются некоторые индустриальные производственные мощности из тех, что были созданы ещё советским государством. Но осуществляемое правительством восстановление производственной экономики идёт с очень низкой отдачей. Ибо феодально–бюрократическое регламентирование советской власти было системным, мировоззренческим, тогда как феодально–бюрократическое регламентирование режима диктатуры крупных коммерческих интересов не системное, определяемое давлением текущих обстоятельств на верхи исполнительной власти. Оно зависит от личных побуждений одного или нескольких людей во главе вертикали власти, а потому не находит понимания или самостоятельной поддержки

со стороны большинства чиновников, редко и плохо доводится до конечного воплощения в жизнь, в действительность. Для сравнения, в Китае всё последнее десятилетие, на основе разработанной в России геополитической стратегии опережающего промышленного и социального развития и политического господства интересов производителей товарной продукции, рост промышленного производства при феодально–бюрократическом регламентировании достигает около 10–15% в год. И не за счёт восстановления уже созданного производства, а вследствие создания и запуска всё новых мощностей, что требует огромных капитальных вложений и организационных усилий.

На настоящий момент совокупное промышленное производство в России по разным оценкам приблизилось к половине того уровня, что был в 1990 году. Однако дальнейший рост производства наталкивается на серьёзные препятствия. Упадок промышленного производства после прихода к политической власти либералов вызвал массовый отток из промышленных производственных отношений всевозможных специалистов, и по всей стране численность высококвалифицированных рабочих, служащих, инженеров неуклонно сокращается. Уничтожено большинство советских учебных заведений, где велась подготовка специалистов для производства и научно–технологических исследований. При резком сокращении рождаемости государствообразующего этноса выросло целое поколение русской молодёжи, которое рассматривает производство, как вид деятельности для неудачников, не нашедших себя в той или иной коммерческой спекуляции, в отрасли посреднических услуг. Быть участником производственных отношений стало для молодёжи не престижно и не выгодно. У новых поколений молодёжи исчезла традиция общественно–производственной этики и морали, социального сознания, разумного аскетизма, напряжённого и продолжительного личного и корпоративного труда, без чего нельзя учиться производственной деятельности и достигать в ней успехов. Нынешняя русская молодёжь в своём подавляющем большинстве развращена стремлениями к лёгким деньгам, к потребительскому индивидуализму и паразитизму, у неё укореняются люмпенские настроения и соответствующее отношение к жизни, она живёт сиюминутными побуждениями, желаниями «хлеба и зрелищ», лёгких, ни к чему не обязывающих связей и удовольствий. Значительная её часть вследствие оправдываемого либерализмом нездорового образа жизни неизлечимо больна и не пригодна к производству. А те русские специалисты, которые несмотря ни на что становятся таковыми, попадают в поле зрения иностранных агентов по найму, переманиваются на Запад большими зарплатами, большим социальным престижем, большими возможностями для самовыражения. Уже сейчас главная проблема на рынке труда: острая и огромная нехватка производственных специалистов. Это делает инвестирование в долгосрочное развитие промышленного производства в России малопривлекательным, не выгодным занятием.

Одновременно проявляются признаки истощения возможностей подъёма коммерчески прибыльного производства за счёт восстановления производственной деятельности на бывших советских предприятиях. Как следствие, у крупных внутренних и иностранных коммерческих спекулянтов, у которых сосредоточены почти все частные капиталы России, устойчиво падает интерес к коммерческой эксплуатации производства. Отражением такого состояния дел является наметившийся застой фондового рынка, на котором с мая 2006 года наблюдается тревожное прекращение роста основных показателей, до этого времени очень высокого. В ближайшие два–три года экономисты режима ожидают сокращение профицита бюджета правительства до нуля, а затем, при сохраняющемся росте импорта иностранных промышленных и продовольственных товаров будет происходить увеличение дефицитов бюджета, которые существенно уменьшат возможности правительства поддерживать внутреннее производство и социальную инфраструктуру связанными заказами. Вступление в ВТО только обострит вызревающий кризис рыночного производства в России до предела, создаст предпосылки для окончательного распада промышленных производительных сил и традиций производственных отношений.

При подобных обстоятельствах нельзя всерьёз поставить цель достичь даже уровня

промышленного производства 1990 года. А потому нельзя рассчитывать на устойчивость геополитического положения России и целостность её территории в окружении ЕС, США и Китая, которые полтора десятилетия быстро наращивали и наращивают промышленную, организационную и военную мощь.

5. ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ В РОССИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

2006 год стал переломным для режима диктатуры крупных коммерческих интересов и для России в целом. Это был самый успешный год для режима. Сосредоточение и рост коммерческих капиталов, активов поддерживаемых чиновно–полицейским регламентированием сырьевых и некоторых металлургических компаний, появление опыта коммерческой капиталистической деятельности у управленцев этих компаний и у правительства повысил цену активов нескольких компаний до уровня, превращающего их в мировые монополии. Данным монополиям, их владельцам стало тесно в России, и в 2006 году они начали широкое перенесение методов обогащения, которые использовались внутри страны, на глобальный уровень. Огромная прибыль данных компаний от сверхэксплуатации страны и её населения, от торговли на западных рынках сырьём и товарами первичной переработки сырья направлялись их владельцами, олигархами не на развитие рыночного промышленного производства в самой России, а на скупку в СНГ, на Западе и в развивающемся мире сырьевых, распределительных и металлургических предприятий. Неожиданная мощь и бесцеремонность такого направляемого российским правительством наступления на внешних рынках вызвала раздражение и тревогу у подобных же западных корпораций, у западных правительств. Весь год росло напряжение зарождающегося противоборства капиталистических интересов между режимом чиновно–полицейской власти в России и правительствами Запада. Оно вынудило режим власти в России пересматривать свою политику в отношении Запада, искать способы заставить всё население страны защищать интересы крупных торгово–посреднических монополий, как это делалось государствами Запада. Для проведения такой политики понадобилось резко повысить роль и значение российской армии, начать её перевооружение и выделение средств на быстрое привлечение в неё военнослужащих. Пропаганда патриотизма и военного строительства стала напоминать времена Советского Союза. На волне такой пропаганды легко было возродить сближение с развивающимся миром, но уже используемое исключительно для поддержки внешней экспансии внутренних капиталистических монополий.

Проблемы противоборства с Западом стали всё отчётливее приобретать сущностное, принципиальное содержание разного видения целей капитализма и политических систем обслуживания соответствующих целей. Сущностное различие капитализма и политических систем в России и в развитых странах Запада проявилось ещё в 90–е годы, но до последнего времени Запад видел в них прямую выгоду, которая помогла ему преодолеть вызревавший в 80–е годы мировой экономический кризис капиталистического хозяйствования. В историческом прошлом промышленно развитых государств Запада уже были режимы диктатуры коммерческого интереса и олигархического правления, подобные тому, что установился в нынешней России. Эти государства имели исторический опыт Национальных революций, которые осуществлялись связанными с интересами производства политическими партиями средних имущественных слоёв горожан, то есть мелкой и средней буржуазии. И Национальные революции в них свержали режимы диктатуры коммерческих интересов ради установления собственно демократии, ради становления национальных обществ, национального политического самоуправления и поворота к развитию промышленного капитализма.

Демократия в развитых странах Западной Европы появилась вследствие развития представительного политического самоуправления хозяйственных слоёв городской буржуазии, хозяйственных городских собственников, как это было и в Древней Греции. Поэтому в элитах развитых государств Запада знают или наитием догадываются, что демократия есть политическая диктатура связанных с интересами производства средних имущественных слоёв горожан, и что демократия несовместима с диктатурой выразителей крупного коммерческого интереса, с обслуживанием интересов олигархов. Ещё история Древней Греции показала, что в полисах главными противоборствующими силами были олигархи и демократы, и победа одних вызвала жёсткое и непримиримое подавление противников. Уже в Древней Греции чётко проявилась закономерность. Олигархическое чиновно–полицейское правление укреплялось в слабо развитых, земледельческих и сырьевых полисах. Тогда как в наиболее развитых полисах с деятельной хозяйственной жизнью городов и сёл, с большой численностью средних имущественных слоёв горожан и селян, то есть имущественных разрядов всадников и зевгитов, которые соответствовали разрядам средней и мелкой буржуазии на современном капиталистическом Западе, господствовали демократы.

На современном развитом Западе тон в политике задают политические партии мелких и средних имущественных собственников, так называемого среднего класса, именно эти партии получают наибольшую поддержку у избирателей и создают правительства, принимают самые выгодные среднему классу законы. Тем самым они создают наилучшие политические, правовые условия для развития хозяйственной капиталистической деятельности. Тогда как в нынешней России в политике нет ни одной партии, выражающей интересы связанных с производством средних имущественных слоев горожан, то есть нет *ни одной(sic!)* партии среднего класса. В России нагло господствуют чиновно–полицейские, олигархические партии власти, которые защищают интересы крупного спекулятивно–коммерческого капитала, принимают соответствующие законы и навязывают их подавляющему большинству населения посредством роста чиновно–полицейского насилия и произвола. В нынешней России нет места демократии, то есть политическому самоуправлению средних имущественных слоев, и заказываемому средними имущественными слоями государствообразующего этноса национальному общественному развитию. И то, что господствующий в стране режим всё шире опирается на исторически крайне реакционное, земледельческое средневековое православие и средневековую православную церковь, говорит само за себя. Такой режим — олигархический по своей сущности, он не способен на развитие рыночного промышленного капитализма, боится средних, самых образованных и квалифицированных слоев русских горожан, видит в их зарождающихся этнократических национальных общественных настроениях главную для себя угрозу. Угрозу тем более серьёзную, что национальные настроения образованных и квалифицированных средних слоёв русских горожан воспринимаются на Западе, как собственно демократические настроения, только и способные снять идейно принципиальные противоречия между Западом и Россией. В ответ на эту угрозу режим наращивает репрессии, в первую очередь против русской городской молодёжи, что превращает его в противомодернизационную, отнимающую у России будущее чиновно-полицейскую тиранию.

Иначе говоря, с началом стремительного наступления российских олигархических монополий на мировые рынки капиталистическое противоборство интересов спекулятивно–посреднических монополий России, с одной стороны, и крупных корпораций, монополий развитых государств Запада, с другой стороны, всё очевиднее перерастает в принципиальное, сущностное и непримиримое противоборство двух разных политических систем капиталистического мира. Олигархической, с растущими проявлениями тирании, и демократической. А противоборство капиталистических интересов разных систем неизбежно преобразуется в военно–политическое противоборство Запада и России. Особую остроту ему придаёт то обстоятельство, что чиновно–полицейская власть в России основные валютные доходы получает от торговли сырьём, а не от промышленного товарного производства, а

потому крайне ограничена в возможностях идти на компромиссы, всеми средствами защищает и продвигает внутренние и внешние интересы сырьевых монополий. Это отчётливо наблюдалось в последний год, и будет усиливаться в дальнейшем.

В нарастающем противоборстве с Россией целью возглавляемого элитами США Запада становится уже не просто свержение нынешнего режима власти в России, который объявил намерение создавать «энергетическую Сверхдержаву», то есть мировые олигархические энергетические монополии.

Не оглашаемой целью Запада становится уничтожение самих российских капиталистических монополий и условий их возникновения, в том числе посредством резкого ослабления геополитического положения страны за счёт её распада. На Западе сознают, что в России вызревает внутреннее столкновение русских поколений, как столкновение полярных видений устройства взаимоотношений власти и населения. Ибо молодые поколения русских горожан, мировидение которых сложилось за полтора десятилетия после начала буржуазной революции в 1989 году, уже не воспринимают народный патриотизм, оправдывающий феодально-бюрократическое регламентирование. Им становятся чужды представления об имперских пространствах народов, народностей и племён, навязываемые режимом диктатуры крупного коммерческого интереса, его безродным и инородным имущественным классом. Молодые поколения русских горожан полтора десятилетия показывали явный рост направленных против режима националистических настроений и поиск соответствующих таким настроениям идеологий. В конечном итоге увеличение количества русской городской молодёжи, которая выросла в новых условиях, перерастёт в новое качество её способности бороться за изменение существа власти в соответствующем направлении. Восстание молодых поколений русских горожан против самих основ нынешнего режима ради перехода к выстраиванию собственно демократического политического самоуправления неизбежно и неумолимо приближается. И Запад знает, как этим воспользоваться в собственных интересах. Он это прекрасно показал на примере Сербии, когда там господствовал олицетворяемый Милошевичем режим феодальнобюрократического регламентирования с народно-патриотической и социальной демагогией. Россия же во внутреннем политическом развитии примерно на десять лет отстаёт от Сербии, в которой буржуазно-демократическая революция началась в конце 70-х годов XX века. И западные элиты по данной причине наращивают давление на режим, олицетворяемый Путиным, наглей от сознания его неспособности опереться на молодые поколения государствообразующего этноса.

Запад сейчас делает ставку на активизацию американской геополитической стратегии «анаконды» и тактику поддержки русской городской молодёжи ради осуществления своих собственных целей, как он сделал ставку на поддержку сербской молодёжи для свержения режима Милошевича. Однако в России, в условиях становления рынка труда и монопольных компаний, которые запускали коммерческую эксплуатацию советских предприятий по добыче ценного углеводородного сырья и сетей по его транспортировке на мировые рынки сбыта, успели зародиться средние имущественные слои русских горожан. Распад страны, уничтожение капиталистических монополий противоречат коренным интересам этих средних слоёв русских горожан. Средним имущественным слоям русских горожан необходимо не уничтожение сложившихся в России мировых капиталистических монополий, а их решительное изъятие у заражённых спекулятивно-посредническими интересами чиновников и олигархов, преобразование в национальные монополии, обслуживающие национальное общество и национальное производство. Сейчас экспансия российских монополий обогащает только олигархов, высших чиновников и прочих выразителей крупных коммерческих интересов, но никак не большинство населения России. Галопирующий рост цен на жильё, на медицинское обслуживание, на лекарства и образование, рост цен, к которому не в состоянии приспособиться даже люди с высокими заработками, свидетельствует о том, что сверхприбыли олигархических монополий и их экспансия подстёгивают весь господствующий класс коммерческих спекулянтов России к

получению сверхприбылей и на внутреннем рынке. А власть настоящего режима не в состоянии их остановить, ибо она выражает именно их требования к экономической политике.

Необходимо же сделать так, чтобы сверхприбыли транснациональных монополий улучшали уровень жизни именно средних имущественных слоёв горожан и неимущих граждан национального общества, всех, кто занимается созидательным и высокопроизводительным трудом. Лишь подобным путём добиваются стратегической политической устойчивости и благополучия капиталистических государств, усиления их положения в мире. И лишь этим путём можно будет неизбежное восстание русской городской молодёжи направить на созидание экономики и государственности России, а не на их разрушение.

На основаниях таких выводов и будет выстраиваться новая русская, *национальная* геополитика, как *геополитика средних имущественных слоев русских горожан*.

6. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

Растущее и непримиримое противоборство между элитами Запада и кругами власти нынешней России вновь возрождает положение вещей, которое было в русской истории накануне преобразований Петра Великого и большевистской социалистической революции. Как и тогда, Россия постепенно оказывается всё слабее относительно западных и восточных соседей, имеет всё меньше возможностей сдерживать их растущее по всем направлениям давление. Как и тогда, главным источником ослабления России, несущего угрозы геополитического поражения и распада страны, опять является отставание в промышленном и социальном развитии. Как и тогда, причиной отставания стал мировоззренческий кризис русского городского сознания, с одной стороны, и растущая воинственность средневекового сознания православных народных патриотов, с другой стороны. Но теперь добавилась и новая, наиболее опасная причина усугубления слабости России: необратимое отмирание у молодых поколений государствообразующего этноса старых, народных общественных отношений, вызванное завершением раскрестьянивания русской деревни. Если прежде общественные отношения русского народа были не только препятствием промышленному развитию, но и источником духа борьбы за народное существование, в том числе посредством высокой рождаемости среди русского крестьянства, духом бессознательной привязанности к земле предков и готовности идти за неё на смерть. То теперь этот дух исчезает, и главным образом у новых поколений русской городской молодёжи.

Преодолеть возрастающую слабость России можно единственным путём. *Одновременным:* революционным переходом к политике выстраивания русских национально-городских общественных отношений, для чего необходима русская Национальная революция, и возвращением к концепции Петра Великого, приводимой в соответствие с новыми условиями существования русского государства в мировой истории. А именно к революционной концепции ускоренного промышленного и социального развития в эпоху становления постиндустриальных производительных сил. То есть объективно *грядущую русскую Национальную революцию надо дополнить такой социальной революцией, которая соответствует концепции ускоренного постиндустриального развития*. Прошлый исторический опыт страны: преобразования Петра Великого, а в XX веке социалистическая революция большевиков — отчётливо показывает, какие предпосылки обязательно необходимы для воплощения в жизнь такой концепции.

Во-первых. Необходим слой русских горожан с бессознательной тягой к социально ответственному поведению, готовый на основе концепции ускоренного промышленного и

социального развития разрабатывать подходящую для России политическую идеологию государственной власти и выстраивать саму власть, призванную всемерно ослабить влияние традиции земледельческого народно–патриотического православного мировоззрения на государственные отношения. При Петре Великом таким слоем было наследное московское служилое дворянство. А в начале XX века — русский индустриальный пролетариат.

Во–вторых. Должно появиться городское мировоззрение, отражающее интересы участников самых передовых на данной ступени мировой истории промышленных производственных отношений и приемлемое определённым слоям русских горожан больше, чем православное мировоззрение. Ко времени Петра Великого таким мировоззрением стал европейский христианский протестантизм. Сам царь Пётр Первый увлёкся его наиболее радикальным, наиболее революционным и рациональным течением, а именно голландским и английским кальвинизмом, который привёл Голландию и Англию к становлению конституционных монархий. Однако в условиях крепостнической Московской Руси кальвинизм был неприемлемым даже преданному царю дворянству.

Часть московского служилого и чиновного боярства и дворянства готова была смириться только с лютеранством, примиряющим буржуазию с крепостнической феодально–бюрократической государственной властью, но при том условии, что феодально–бюрократическая государственная власть считается с её интересами, интересами буржуазии. Именно приток лютеран на службу царскому самодержавию помог сделать Преобразования Петра Великого необратимыми, вырвать русское служилое дворянство из православного мировоззрения к рациональному, а затем диалектическому материалистическому мировосприятию. А в начале XX века выходец из среды служилого дворянства В. Ульянов–Ленин, подобно Петру Первому тяготеющий к кальвинизму, создал коммунистическое мировоззрение, как теоретическую научно–методологическую реформацию православного мировоззрения, приемлемую русскому индустриальному пролетариату — первому поколению русских крестьян, вовлечённому в индустриальные производственные отношения.

В–третьих. Нужно, чтобы вызрело ясное представление. *Как* о новых стратегических пространствах, без достижения господствующего положения в которых нельзя сохранить, а тем более упрочить геополитическую целостность страны, а затем расширять влияние русского государства на окружающий мир. *Так и* о полной зависимости цели достижения господствующего положения в новых стратегических пространствах от стратегии опережающего промышленного и социального развития.

В конце 90–х годов XX века в России произошло накопление крупного спекулятивно–коммерческого капитала. Такой капитал в обстоятельствах глубокого банковского кризиса и кризиса кредитной задолжности перед мировыми финансовыми институтами смог озадачиться тем, как бы в условиях приватизации бывшей советской государственной собственности наладить выгодную коммерческую эксплуатацию больших производств и человеческих трудовых навыков. Оказалось, данная задача решается просто. Можно приобретать в частную собственность некоторые производства, изготавливающие потребительские товары и обеспечивающие добычу сырья, его транспортировку, и без инвестиционных вложений сразу же получать огромную посредническую прибыль. Но для перехода к широкому налаживанию коммерческой эксплуатации страны понадобился режим чиновно–полицейской диктатуры крупных коммерческих интересов, который через достижение *среднесрочной устойчивости власти* создавал крупному коммерческому капиталу необходимые условия и обеспечивал его гарантиями получения текущих спекулятивных сверхприбылей.

Режим диктатуры обслуживания крупных коммерческих капиталов запустил в нынешней России рынок труда и становление посреднических сырьевых и обеспеченных дешёвым сырьём металлургических монополий с мировыми интересами, оживил некоторые отрасли производства посредством их спекулятивно–коммерческой эксплуатации, а правительственными и межгосударственными заказами частично возродил Военно–

Промышленный Комплекс. Вследствие наращивания коммерческой эксплуатации способного давать прибыль производства в стране возник и увеличивается в численности связанный с капиталистическими производственными интересами средний имущественный слой русских горожан, и у него появляются и укореняются собственные представления о задачах политики, совершенно отличные от представлений коммерческих спекулянтов и чиновно–полицейских партий власти. Данному слою понятна и приемлема концепция ускоренного капиталистического промышленного и социального развития, и в то же время чужда противоречащая такой концепции православная иррациональная догматика, библейская земледельческая мифология. Этот слой раздражают чиновно–полицейский произвол действующего режима власти, неспособность власти даже поставить вопрос о переходе к интенсивному развитию. Ему непонятна растущая опора режима на мировоззренческое православие, на православную церковь, следствием чего становятся требования церкви ввести в школах обязательное изучение законов божьих, земледельческой общинной этики и морали, а по существу требования поощрять средневековое мракобесие и невежество за счёт принижения значения научно-методологического познания. Дикий «обезьяний процесс», который недавно имел место в просвещённом Санкт–Петербурге, сам по себе говорит для этого слоя о степени происходящей деинтеллектуализации страны, губительной для промышленного производства как такового.

Поддерживаемое режимом наступление православной мировоззренческой реакции, проводимое небольшими и самыми отсталыми прослойками русского населения и церкви, неизбежно приближает и обостряет понимание связанными с интересами капиталистического производства средними имущественными слоями горожан того, что в стране углубляется мировоззренческий кризис, кризис отсутствия современного русского мировоззрения. А всё более осознанное понимание разрастания мировоззренческого кризиса, кризисного отсутствия у страны исторического целеполагания, то есть смысла и целей постиндустриального исторического бытия, рождает запрос на новое, философское мировоззрение, отвечающее интересам данных слоёв горожан. В прошлом России концепции ускоренного промышленного и социального развития воплощались на основаниях диалектического материалистического мировосприятия и на философии диалектического материализма. Диалектический материализм мировосприятия русского служилого дворянства стал той основополагающей традицией, которая обеспечивала выстраивание самого деятельного управления при осуществлении мобилизационных и долгосрочных целей русской государственной политики. По этой причине провозглашение концепции ускоренного, самого быстрого в мире постиндустриального развития для спасения и укрепления геополитического положения государства в XXI веке немыслимо без опоры на обновлённую философию диалектического материализма. Для разработки же нового мировоззрения, которое позволит преодолеть русский мировоззренческий кризис, нужна не просто обновлённая философия диалектического материализма, а диалектическая теория познания мира на основе современной методологии естественнонаучного познания. И как раз средние имущественные слои связанных с интересами производства русских горожан способны легко воспринять обновлённую философию диалектического материализма через дающие им профессиональное образование методологии естественнонаучного познания. Они и, вообще говоря, только они могут вооружиться ею для преодоления русского мировоззренческого кризиса и воплощения концепции ускоренного промышленного и социального развития.

В обстоятельствах распада народно–патриотических общественных отношений, народно–патриотической этики и морали новое русское мировоззрение средних имущественных слоёв горожан должно стать мировоззрением национального общества, предлагающим и обосновывающим собственную, национальную общественную и социальную этику и мораль. Вся история России и всякого промышленно развитого государства показывает, что промышленная производственная деятельность держится на общественной и социальной этике и морали государствообразующего этноса. Для

соответствия же русской национальной этики и морали концепции ускоренного постиндустриального развития в обстоятельствах научно-информационной революции, в основание такой этики и морали необходимо заложить рациональные принципы общественных отношений. А именно принципы, определяющие биологическое, моральное и политическое превосходство средних имущественных слоев горожан как таковых, их право на установление политического господства, безраздельного политического руководства государством и всем населением страны. *Во-первых*, необходимо принципиально заострить внимание на свойственной всем национальным обществам двойной этике и морали, которая должна вытеснить и заменить имперскую народную, монотеистическую и общечеловеческую этику и мораль. Ибо единственно двойная этика и мораль создаёт корпоративное мировосприятие национального общества, даёт ему возможность избавляться от военно-чиновничьих регламентирующих учреждений при интеграции в мировой рынок товарно-денежного обмена, переходить к политическому демократическому самоуправлению и интенсивному развитию. *Во-вторых*, дополнить двойную этику национального общества принципом биологического предопределения судьбы каждого человека, этическим принципом разумного аскетизма и архетипического призвания для всех, кто намерен быть полноправным членом русского национального общества. *В-третьих*, доказательно, научной методологией обосновать необходимость безусловного подчинения коммерческих интересов промышленным капиталистическим интересам и требование допускать к собственности, к основам капиталистических отношений в России лишь тех, кто осознаёт и доказывает на деле свою социальную связь с русским национальным обществом, признаёт политическое господство среднего класса.

Указанные принципы являются необходимыми и достаточными условиями для становления национального общества и подлинной демократии, как политической диктатуры связанных с производственными интересами средних имущественных слоёв горожан. Но для достижения наивысшей в мире социологизации общественно-производственных отношений, которая позволит на глобальном уровне развить самые передовые, самые наукоёмкие и самые конкурентоспособные постиндустриальные производительные силы, русской постиндустриальной нации понадобится расширение двойной этики и морали до представлений о любви между членами национального общества, как основы основ взаимоотношений между ними. Любовь к членам своей нации, расчётливое капиталистическое отношение к остальному человечеству, неприязнь или ненависть к врагам нации в совокупности с приведёнными морально-этическими принципами являются основополагающими, фундаментальными предпосылками для неуклонного укрепления и усиления геополитического положения России не только в Евразии, но и в мире в целом.

Другим неперенным условием укрепления и усиления геополитического положения России является ясное видение средними имущественными слоями русских горожан стратегических пространств, в которых предстоит бороться за свои интересы русской постиндустриальной нации. Двойная этика и мораль национального общества, демократическое самоуправление и переход к интенсивному развитию несовместимы с прежней, унаследованной Московской Русью у Византии доктриной становления имперского пространства народов, народностей и племён. Надо отдать должное этой доктрине, она превратила Московскую Русь в субконтинентальную Российскую, а затем в глобальную Советскую империю. Однако теперь вызревает необходимость революционно решительно оторваться от духовной связи с ней ради доктринальных представлений о жизненном пространстве русской нации, о подвижности этого пространства, о его зависимости от промышленного капиталистического развития. Устойчивость роста национального промышленного производства и его капитализации необходима для роста численности средних имущественных слоёв горожан и для устойчивости общества с демократическим самоуправлением, с широкими политическими и экономическими свободами выбора для всех его членов. Поэтому жизненным национальным пространством становится всё, что определяет устойчивость промышленного развития. Чем выше уровень

промышленного развития и его капитализации, тем больше требуется национальное жизненное пространство для устойчивости такого развития. Если устойчивость промышленного развития начинается, к примеру, зависеть от освоения других планет, то и другие планеты включаются в жизненное пространство русской нации.

Самостоятельность государственной политики в эпоху постиндустриального развития будет определяться способностью государства распространять и отстаивать свои интересы в космическом пространстве и через космическое пространство. А потому геополитика во всё большей степени будет зависеть от политики освоения космического стратегического пространства. Концепция опережающего постиндустриального промышленного и социального развития русского национального государства должна в полной мере учесть данное обстоятельство и подстроиться под него.

Обобщая вышеизложенное, сделаем следующее заключение. *Русская национальная геополитика это обуславливаемая географическим положением России государственная политика, направленная на такую социологизацию мировосприятия и общественного поведения средних слоёв русских горожан, которая необходима для перехода к самому ускоренному в мире постиндустриальному развитию и деятельному, широкому выходу русской нации в космическое стратегическое пространство.* Её наполнение сверхзадачами освоения космического пространства ужесточает и без того высокие требования к социальному и политическому взаимодействию средних имущественных слоёв русских горожан, к их готовности поддерживать национальное общественное самосознание на самом высоком уровне. Такие требования нельзя воплотить в жизнь без высочайшей упорядоченности и долгосрочной предсказуемости развития государственных и общественных отношений, для чего и необходимо появление вооружённой новым историческим мировоззрением политической партии связанных с интересами производства средних имущественных слоёв горожан, национал- демократической партии русского национального среднего класса.

27 февр. 2007г.